

*** ЛАРИСА ДЖЕЙКМАН***

**ПРИГОВОРЕННАЯ
К ЛЮБВИ**

Лариса Джейкман

Приговоренная к любви

«Издательские решения»

Джейкман Л.

Приговоренная к любви / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839499-7

История любви невзрачной провинциальной девушки, а позднее преуспевающей бизнесменши к красавцу-журналисту, которую она пронесла через долгие пятнадцать лет. Их жизненные пути разошлись, но как при этом остаться верной своей любви, если повороты судьбы таковы, что ты оказываешься бессильным построить жизнь по своему сценарию? Какова в этом случае сила любви, на которую ты себя обрекаешь — разрушительная или созидательная? Моя героиня нашла ответ на этот вопрос, поплатившись долгим одиночеством.

ISBN 978-5-44-839499-7

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Знакомство	6
2. Исчезновение	12
3. Посвящение в тайну	18
4. Беда не приходит одна	23
5. Счастливый билет	26
6. Ирочка	31
7. Москва, москвичи и москвички	36
8. Джоконда	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Приговоренная к любви

Лариса Джейкман

Дизайнер обложки Neil Jakeman

© Лариса Джейкман, 2018

© Neil Jakeman, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-9499-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Знакомство

Лида Щепкина красавицей не слыла. Лицо обыкновенное, глаза небольшие, рот невыразительный. Волосы, правда, неплохие, слегка волнистые, густые, хотя цвета непонятного: ни русой ее не назовешь, ни шатенкой, что-то среднее. Подруги ее успокаивали:

– Не переживай, Лидия, ты, конечно, не красотка, но и не урод. Грудь есть, талия на месте. А лицо припудри, глаза и брови подведи, губки подкрась и будешь в порядке.

Но Лида им не верила. Она смотрела на себя в зеркало и понимала, что ничего ей не поможет быть красивой. Вон Светка Ушакова, не девка, а картинка! И подкрашиваться ей не надо, все свое, природное. Ресницы пушистые, глаза в пол-лица, губы, что вишни спелые. Парни так и млеют и проходу ей не дают. Она уже с кем только не дружила, а сейчас вон какого жениха отхватила, журналиста с местного радио. Уже на своих одноклассников и не смотрит, нужны они ей больно!

– Вот закончу школу, поступлю в театральное училище и замуж выйду! – с гордостью говорила всем Светка.

– За кого замуж-то пойдешь, за журналиста своего?

– Не знаю, может кого и получше найду.

Хотя куда уж получше. С него только картины русских богатырей писать, вот до чего он был хорош собой! Очень выразительная внешность. Девчонки перешептывались, поговаривали, что Светка уже близка с ним. Лида сначала слова «близка» не понимала, но подруги ей разъяснили, и она была так поражена этим известием, что всю ночь не могла заснуть спокойно. Она-то думала, что в такие отношения девушки вступают только после замужества, да и то не сразу. Привыкнуть надо друг к другу, чтобы осмелиться раздеться перед мужчиной и лечь с ним в постель. Хотя чего Светке стесняться. На нее, наверное, и на нагую любо-дорого посмотреть.

Лида тогда встала, включила ночник, разделась и подошла к трюмо. Посмотрела на себя внимательно, может быть первый раз в жизни так придиричиво.

– Нет, некрасивая я, совсем некрасивая, – сказала она тихо и грустно. – Руки как плети, ключицы торчат. А ноги! Ну что это за ноги, ни формы, ни красоты, колени выпирают.

Она выключила ночник, натянула на себя ночную рубашку и легла под одеяло. Но ей не спалось. Она представляла себе Светку Ушакову, высокую, сбитую, на длинных ногах с красивыми икрами, и ей становилось так обидно за себя. Ну почему одним все, а другим ничего! Лида даже поплакала от обиды.

Жила она с мамой, отца своего не помнила, он ушел от них, когда Лиде и двух лет не было. Мама растила ее одна, много работала, и Лида большую часть времени была предоставлена сама себе. Росла, как травинка в поле, сама бегала в школу, сама приходила домой, делала уроки, прибиралась в доме, гуляла и ждала, когда мама с работы придет. Мама ее в магазине продавщицей работала, целый день на ногах, уставала очень, и Лида ее жалела. Маме еще готовить, стирать и гладить приходилось. А полы Лида мыла сама с самого раннего детства.

– Ты, Лидуха, хозяйкой хорошей будешь. А это мужику самое главное, – говорила ей мама, и она ей всегда верила.

А вот теперь вдруг верить перестала. Теперь она поняла, что не это главное, а красота и внешность. Вот на что парни смотрят. А Лиде и надеть-то толком было нечего. Кроме старой школьной формы у нее была пара юбок, перешитых из маминых, единственный малиновый свитерок к ним, почти совсем протертый подмышками и ее любимое голубое платье из тонкой шерсти, в котором она появлялась на всех школьных концертах и вечерах. Платье было, конечно, красивое, но она его уже почти три года носит, оно и село чуть-чуть, и пообтрепалось.

Ее подруг одевали получше, а уж Светку-то Ушакову и вовсе наряжали как куклу с самого детства.

«Надо что-то делать!» – думала Лида и размышляла над тем, как ей преобразить себя. – «Вот закончу школу и пойду учиться на портниху. Буду шить, хорошие деньги зарабатывать, и себя обошью с ног до головы!» – мечтала Лида и не могла дождаться конца учебного года.

Шел март месяц, еще чуть-чуть и конец! Выпускные экзамены и в училище! Подруги все тоже определились, кто работать, кто дальше учиться. А тут вдруг Светка Ушакова подходит к Лиде на перемене и говорит:

– Не хочешь со мной в дом культуры на танцы сходить? Мне одной идти неохота. Я тебя кое-с кем познакомлю.

– Ой, да что ты, Света, мне и пойти-то не в чем, – откровенно сказала Лида.

– Не переживай, я тебе дам. У меня есть бордовое платье, оно мне чуть-чуть мало, а тебе как раз будет.

– А почему я? Чего ты кого другого не позовешь? – спросила Лида.

– Да с другими тоска одна! Они будут выпендриваться, глазки парням строить, а потом неприятностей не оберешься. Ты-то у нас девушка скромная, да и живем мы рядышком, домой будет веселее возвращаться.

Лида спросила Светку про кавалера, он-то ее разве не проводит?

– А он на вечернюю передачу уйдет. Потанцует немного и уедет. Домой мне придется одной идти.

– А-а-а, ну тогда понятно. Нет, Света, не пойду я. Стесняюсь.

Но Светка не отстала, настырная она, уж чего решила, никогда от своего не отступит. Вечером прибежала к Лиде домой.

– Тетя Поля, скажите Лидке, чтобы со мной в Дом культуры пошла. Там концерт сегодня и танцы. Мне одной домой возвращаться не хочется, – сказала она с порога Лидиной маме.

Та только плечами пожала, мне-то, мол, что. Пусть идет, если хочет. Лида подумала немного и неожиданно для себя согласилась. Они пришли к Светке домой, и Лида порази-лась красоте и богатству квартиры Ушаковых. Полированная мебель, ковры кругом, картины. А люстра-то, люстра! Мама дорогая! Это ж с ума сойти можно!

– Хрустальная! – сказала Светка, перехватив Лидин взгляд. – Ну пошли в спальню, я тебе дам платье и косметику, будем собираться.

В спальне у Светки тоже было красиво. Зеркальный шкаф, полный одежды, диван-кровать, торшер, ковер и маленький столик, тоже с зеркалом, на котором было множество баночек, пузыречков, коробочек. Все выглядело дорогим и необыкновенно притягательным.

– Так, садись сюда, – сказала Светка и придвинула к столику маленький бархатный пуфик. – Начнем с ресниц.

Она показала Лиде, как нужно красить ресницы малюсенькой щеточкой, а потом помогла ей подвести глаза.

– Попудрись чуть-чуть и подкрась губы вот этой, темно-розовой помадой. Да поярче, в несколько слоев наложи.

Лида сделала все, как ей сказали и взглянула на себя. Она, конечно, изменилась. Стала взрослее и симпатичнее, чего уж там.

– Теперь волосы. Это самое главное. Давай все заберем вверх и заколем наверху заколкой, у меня есть одна красивая, с камушками.

Светка открыла маленький ящичек и вытащила оттуда очень красивую переливающуюся заколку в виде бабочки или банта. Она ловко сцепила ею взбитые вверх волосы Лиды, и они образовали у нее на макушке нечто вроде буклей, естественных и волнистых.

– Ну, смотри! Бриджит Бардо! – гордо сказала Светка и слегка подрумянила Лиде щеки.

– Ну это уж слишком, – воспротивилась было та, но Светка пропустила реплику мимо ушей и вытащила из шифоньера платье.

– На примерь, – сказала она и небрежно бросила его на диван, а у Лиды аж дух захватило. Платье было такое красивое, что Лида охнула.

– Ой, Светочка, это мне? А оно подойдет?

– Ну примерь, тогда и посмотрим. И на вот, колготки надень, чулки твои спускаются. А размер ноги какой у тебя? У меня туфли есть к этому платью.

Лида потеряла дар речи. Колготок она никогда в своей жизни не имела, от платья пахло розами, а туфли Светка принесла замшевые, на высоких каблучках, с маленьким бордовыми бантиками по бокам.

– Нет, Света. Я их не надену. На улице грязь, во что они превратятся? – сказала ошалевшая от роскоши Лида.

– Так ты примерь, если по размеру подходят, возьмешь с собой, там переобуемся. Я тоже в своих лодочках ковылять не собираюсь.

Лида примерила туфельки. Они были ей как раз.

«Это потому, что на колготки. А на мои толстые чулки точно не налезли бы», – подумала смущенная девушка и стала снимать с себя свою одежду, чтобы надеть наконец и платье.

Светка стояла перед зеркалом в тоненькой белоснежной комбинации с гипюровым верхом и широким кружевом понизу. Она укладывала волосы.

– Немецкое белье самое качественное, – многозначительно сказала она, и Лиде стало невероятно стыдно за свою застиранную темно-голубую сорочку, которая ни кружев, ни уж тем более гипюра не имела и была больше похожа на длинную уродливую майку.

Совсем смутившись, она быстро стала натягивать на себя Светкино платье.

– Осторожнее, у него молния барахлит. Иди сюда, я застегну, – сказала Светка, и Лида подошла к ней.

Тут она увидела себя в зеркале. Платье цвета переспелой вишни стягивалось сзади на молнию и ниспадало вниз мягкими складками. Рукав был чуть выше локтя, а украшали платье маленькие бархатные розочки, которые гирляндой шли вокруг красивого продолговатого выреза.

– Ну вот, теперь ты любому парню вскружишь голову, – сказала Светка и облачилась в очень узкое, обтягивающее ее красивую фигуру платье бирюзового цвета с люрексом. Платье слегка поблескивало, и Лида с завистью подумала, что Светка все равно выглядит лучше нее. Она элегантнее и красивее. Тут уж ничего не поделаешь.

Девушки наконец были готовы и вышли из дома в приподнятом настроении и с замиранием сердца. Особенно, конечно, Лида. Для Светки такие вечера были не в новинку, она уже к ним привыкла, хотя бежала в Дом культуры тоже с большим вдохновением. Ей просто нравилось нравиться окружающим, нравилось быть в центре внимания. И еще она хотела почему-то дать почувствовать этой замухрышке Щепкиной, какой отличной от нее жизнью живет она, Света.

«Пусть поразмыслит немного. Это пойдет ей на пользу. Дорого одеваться не обязательно, но в спущенных чулках девушке тоже не пристало ходить», – с раздражением думала Света и была уверена в том, что делает Лидке добро.

Хотя, может так оно и было? Во всяком случае после этого вечера Лида Щепкина стала более придирчиво относиться к тому, как она выглядит на людях, и даже в школу стала ходить аккуратной, в отглаженном платье и с чистыми кружевными воротничками. Она уговорила маму купить ей пару тонких капроновых чулок и пару колготок, на выход. Мать ее просьбу выполнила и отдала Лиде свое любимое финское платье.

– Ладно, носи. Выросла совсем, а туфли куплю тебе с полочки. Сама выберешь, – сказала Лиде мама и тяжело вздохнула.

Но это было потом, а пока девушки спешили на танцы. Они бежали по лужам, выбирая самый короткий до Дома культуры путь. Быстрой ходьбы было минут двадцать и за десять минут до начала концерта они уже были в фойе.

– Светочка-конфеточка, ну чего ты так поздно! – сказал Светке ее красавец-кавалер, который с нетерпением дожидался у входа.

– Привет, Аркаша. Знакомься. Это Лида Щепкина, моя одноклассница, – на одном дыхании выпалила Света, и Аркадий мельком взглянул на пылающую от возбуждения Лиду.

– Ладно, потом познакомимся, раздевайтесь, я отнесу ваши пальто в свою раздевалку, – сказал деловито Аркадий, и Лида поспешила снять с себя свое старенькое детское пальтишко.

Когда наконец они надели туфли, поправили прически и вышли в центр ярко освещенного фойе, Лида вдруг подумала, что такого счастливого дня у нее еще не было в жизни. Здесь так красиво! Играет музыка, вокруг много молодежи, все улыбаются, громко переговариваются, и она – одна из них, такая же нарядная и красивая! Первый раз в жизни...

Концерт был коротким, три песни, цыганский танец, который исполняли танцоры этого же Дома культуры. Лиду поразил не танец, а костюмы, яркие, красивые, как у настоящих цыган! Потом была пантомима, которая Лиде не понравилась, хотя Светка с Аркадием хохотали до слез, а в заключении балетный номер, танец маленьких лебедей исполнили девочки из младшей балетной группы. Им аплодировали больше всего, хотя танцевали они так себе. Но Лиде понравилось, она подумала, правда, что девочки больше похожи на бабочек, чем на лебедей, но судить строго не бралась. Что она понимает в балете?

– Ну все, теперь на танцы! – сказал Аркадий, и девушки послушно пошли за ним в танцевальный зал.

Тут Лида рассмотрела Аркадия получше. Он был безусловно красив, той самой мужской красотой, о которой говорят: красив, как бог.

– Аркадий, а где же твой друг, Василий, кажется? – спросила вдруг Света своего друга, бережно державшего ее под локоток.

– Не знаю. Обещал быть. Я ведь покину вас через час, а он должен тут с вами до конца пробыть и до автобуса проводить.

– А почему до автобуса? Ты меня всегда на такси отвозишь? – обиженным детским голоском сказала Света, а Лида диву далась.

«Ничего себе, еще и на такси ее отвозят, принцессу!» – подумала она, но прониклась к Светке большим уважением в душе.

Аркадий ничего не ответил, но зато вдруг приветливо помахал кому-то рукой.

– Вот он! Явился, не запылится.

Лида увидела, как к ним направляется высокий худощавый брюнет. Это и был Василий, которого с большой помпой представил им Аркадий.

Но Света вдруг взяла инициативу в свои руки и объявила:

– Василий, это моя школьная приятельница. Я обещала ей приятное знакомство, надеюсь, вы не огорчите Лиду? Она девушка очень впечатлительная и на нее нужно произвести только хорошее впечатление.

– Постараюсь изо всех сил, – галантно ответил Василий, посмотрев на Лиду в упор, а она залилась краской: ей просто было непривычно мужское внимание.

Василий был веселым, смешливым парнем. Он балагурил, шутил, рассказывал анекдоты, которые не всегда были понятны Лиде, но все весело смеялись, и она тоже. Танцевать ей приходилось с Василием, который был головы на полторы выше нее, и Лида даже чуть-чуть приподнималась на цыпочки, чтобы дотянуться руками до его плеч. Но беда была в том, что танцевать она совсем не умела. Она неуклюже топталась, смущалась, и ей было неловко. А когда вдруг началась быстрая музыка, все стремительно выбежали в центр и начали ритмично изви-

ваться. Тут Лиде стало совсем не по себе. Она так не умела и подавно, поэтому предпочла ретироваться в уголок, чтобы не смешить публику.

– А почему такое неприятие современного молодежного танца? – услышала она вдруг легкий шепот у самого своего уха и резко обернулась.

Рядом с ней стоял Аркадий и, слегка прищурившись, с легкой смешинкой смотрел на нее.

– Вас Света за мной прислала? Скажите, что я немного натерла ногу и быстро танцевать не смогу, мне больно. Не обижайтесь...

Но Аркадий вдруг громко расхохотался и буквально схватил Лиду за запястье.

– Пойдем, я научу тебя, как танцевать, не стирая ноги, – сказал он и потащил Лиду в круг.

Она и охнуть не успела, как оказалась в самом его центре. На нее мало кто обращал внимания, только Света смотрела в упор и опять-таки насмешливо поглядывал Аркадий. Василий танцевал с опущенной головой и полуприкрытыми глазами, а Лида стояла и взирала на всех, чуть не плача.

– Откуда она взялась, эта мартышка? – вдруг услышала Лида.

Это Аркадий спрашивал Свету, слегка наклонившись к ней. Он воображал, вероятно, что из-за музыки Лида не услышит его слов, но она услышала, они ее как током прошибли. Лида бросилась вон, и только у самого выхода ее догнала Светка.

– Ну чего ты, как ненормальная? Подожди, он же пошутил. Он и меня по-разному обызывает, то щукой, то акулой, то... еще как-нибудь. Лида, не будь дурой. Не уходи.

– Пусти, Света. Я же вижу, как они на меня смотрят. Ты думаешь, я ничего не понимаю? Я не из ваших, мордой не вышла, и твои шмотки не помогут! Такси, хрустальные люстры! Да мне такое и во сне не снилось! Оставь меня! Я тебе не пара, а твоим друзьям и подавно!

Лида говорила с обидой, сквозь слезы, которые непроизвольно текли из ее глаз. Глаза защищало от туши, и она кинулась в туалет. Света за ней. Там они кое-как привели Лиду в порядок, и Светка сказала ей:

– Знаешь что? Вот ты прибедряешься, строишь из себя какую-то сироту казанскую, а какого черта? Неужели не хочется подняться хотя бы на ступенечку? Не умеешь танцевать – научись! Не умеешь одеваться – приглядишься к другим, журналы полистай. Волосы не в порядке, в парикмахерскую сходи. Все можно сделать для себя самой, постараться и сделать! Тогда никто тебя мартышкой не обзовет. А Аркадий, между прочим, это просто так сказал, не в обиду тебе.

– Тебе может и не в обиду, а я как была мартышкой, так и осталась. Пусти меня, я домой пойду.

– Никуда ты не пойдешь! Умей держать себя в руках! Пошли и сделай вид, что ничего не произошло. Это будет твоей первой победой над собой.

Светка потащила расстроенную Лиду обратно в зал, и та с удовольствием отметила, что свет в зале почти погашен, горит всего несколько голубоватых и розоватых лампочек по углам, и все с упоением танцуют очень медленное, красивое и нежное танго.

– Разрешите? – услышала она и ответить не успела, как уже оказалась в чьих-то крепких объятиях.

Это был Аркадий. Он увел Лиду танцевать, а Света осталась стоять в дверях, красивая, немного расстроенная и слегка удивленная.

– Я ухожу уже. Это мой последний танец, – сказал тихо Аркадий, и Лида согласно закивала головой. – Но я надолго с тобой не прощаюсь. Мы обязательно скоро увидимся, я обещаю.

Больше Аркадий не проронил ни слова, а Лида немного поежилась и попыталась чуть-чуть высвободиться из его цепких рук.

Танец наконец закончился, включили свет и объявили перерыв.

– Все, я пошел! Света, без Васьки ни на шаг, до завтра! – сказал Аркадий и нежно поцеловал Свету в щеку. На Лиду он даже не взглянул, быстро отошел от них и растворился в толпе.

Этот вечер надолго запечатлелся в Лидиной памяти. Она вспоминала его всегда, когда пыталась анализировать свою жизнь и свои поступки. Ей казалось, что, если бы его не было, этого вечера, то вся ее жизнь прошла бы совсем иначе. Но он был, вечер, который направил ее жизнь именно по этому руслу. Воистину, первый шаг мы делаем сами, а дальше нас ведет судьба!

2. Исчезновение

Прошли недели. Все изменилось вокруг Лиды, и сама она стала смотреть на окружающее совсем другими глазами. Лида вдруг стала замечать вокруг все плохое, например, грязь у себя в подъезде, которая раньше казалась делом обычным. Она стала замечать, кто тщательно следит за собой, а кто небрежен и неаккуратен, даже учителей она стала рассматривать очень придирчиво: у химички кофточка по шву распоролась, их математик, Андрей Андреевич, третий день в одной и той же рубашке и с галстуком набекрень, завуч вообще какая-то старомодная вся, от нее нафталином несет за версту. А вот англичанка, Елизавета Дмитриевна Урбах, высший класс! Всегда в красивых блузках, узких юбках, на шпильках и с маникюром. Женщина прямо из журнала мод.

«Так и надо», – думала Лида и прикидывала, что бы из старого мамино она могла бы себе перешить так, чтобы хоть чуть-чуть походить на Лизочку, как за глаза они звали учительницу английского.

Но главным и основным примером для нее была все та же Света Ушакова, которая всем на удивление вдруг стала Лидиной лучшей подругой. На танцы они, правда, больше не ходили, но в школу и из школы всегда шли вдвоем, Света часто приглашала Лиду к себе, они рассматривали очень редкие и необыкновенно красивые журналы мод с противным, как Лиде казалось, названием «Бурда». Там были такие сногшибательные фасоны, что даже видевшая виды Светка ахала, особенно, когда они рассматривали потрясающей красоты нижнее белье.

Однажды Лида вдруг спросила свою новую подружку:

– Света, а у тебя с Аркадием серьезно? Девчонки черте-что болтают, а я не верю. Ты ведь не близка с ним, правда?

Света неожиданно вдруг залилась краской, резко встала и сказала:

– Знаешь что, лезть в личную жизнь, а тем более в постель к другому человеку – это проявление высшей бескультурности. Тебя этому твоя мама-продавщица не учила?

– Света, не заносись. При чем тут моя мама? И в постель я в твою не лезу. Я просто не хочу, чтобы ты глупостей наделала, а потом жалела.

– Не твое это дело, понятно? Самой-то что, не хочется разве попробовать? Неужели скажешь никогда об этом не думала или даже не пыталась? Не верю! Строишь из себя недотрогу, а сама, наверно...

Подруги поссорились. Лида собралась и ушла, а Света даже не пыталась ее остановить. Но Светкины слова почему-то врезались Лиде глубоко в сердце. Наверное потому, что она была права. Конечно же, Лида не раз представляла себя в объятиях сильного, крепкого мужчины, ей грезилась его пылкие поцелуи, и каждый раз ей хотелось представить себе его лицо, но тут перед Лидой вставал заслон. Мужчины у нее не было, а на нет и суда нет. Да и разве она бы решилась на что-то подобное, если бы он был? Нет, навряд ли...

***

Наконец-то наступил долгожданный май. Уже давно не нужно было носить пальто и даже плаща. Лида везде появлялась в своем финском платье, бежевом с коричневой отделкой, которое ей отдала мама. Она, как и обещала, купила дочери импортные туфли, и Лида выглядела вполне прилично. Она уже знала, как подкраситься, и прическу меняла, то высоко хвост завяжет, то низко, то просто распустит волосы по плечам. А ближе к лету она еще и очки от солнца себе приобрела, не дорогие, правда, но в модной золоченой оправе с голубоватыми дымчатыми стеклами.

– Щепкина-то наша, прямо на глазах преобразилась! – перешептывались ее школьные подружки, а она снисходительно улыбалась всем подряд и попыталась помириться со Светой.

– Да я уже не обижаюсь на тебя, – сказала ей Светка однажды. – Знаешь, мы с Аркадием больше не встречаемся. Он мне надоел. Если хочешь, позвони ему, я не буду в обиде. Ты ведь хотела его, если я не ошибаюсь?

– Да ты что, Света! Что значит «хотела»? Да у меня и в мыслях ничего такого не было. А что случилось? И с кем ты теперь?

– Ничего не случилось. Я же сказала тебе – надоел! И я ни с кем. Экзамены на носу, потом в театральное надо поступать, не до женихов.

Лида немного удивилась. Ей всегда казалось, что уж Светка-то одна никогда не останется, а вот ведь как вышло. Надоел... надо же! Но Лида даже и не думала звонить Аркадию. Во-первых, это было не в ее привычках – звонить мужчинам, а во-вторых, она просто постеснялась бы.

Учебный год подошел к концу, сданы экзамены, скоро выпускной. Мама купила Лиде на платье красивую, слегка розоватую ткань, тонкую и шелковистую. Платье Лида сшила сама. Получилось хорошо, только жаль, что без рукавов, материала не хватило. Остальные девушки пришли тоже наряженными, в основном все в белом. И все же Света Ушакова выделялась из всех. Ее белоснежное гипюровое платье с открытым прилегающим лифом и пышной многослойной юбкой делало Свету похожей на красивую, достойную восхищения, фотомоделю. И держалась Света как-то по-особенному, и улыбалась окружающим снисходительно. Лида в очередной раз почувствовала огромную пропасть между собой и своей подругой. Она расстроилась, но виду старалась не подавать.

Выйдя в коридор, Лида подошла к окну и решила отдохнуть немного от шума и духоты актового зала. Настроение у нее было не очень хорошим, ей было грустно. Она выглянула в окно и удивилась: на лавочке сидел Аркадий.

«Надо же, что он тут делает? Светку ждет что ли?» – подумала Лида и вернулась в зал, чтобы предупредить Свету, но не нашла ее среди остальных. А потом и вовсе было не до этого. Торжественная часть, вручение аттестатов, концерт и, наконец, танцы. На танцах Лиду пригласили пару раз, а Светка была нарасхват, у нее не было ни одной свободной минуты, чтобы пообщаться с Лидой.

Лида танцевала с парнем из параллельного класса, Колькой Дементьевым. Он ей когда-то даже нравился, и Лида была немного польщена его вниманием, во всяком случае до тех пор, пока он не сказал ей:

– Слушай, ты, как тебя там, Лида, кажется? Ты не позовешь подружку, могли бы вместе неплохо вечер провести, у меня друг есть, как раз для тебя.

И он указал на неказистого прыщавого Оську Хмелина, который стоял в углу и грыз ногти. Лида резко остановилась, сдернула руки с Колькиных плеч и ответила ему:

– Ты для моей подружки подходишь точно так же, как твой сосунок Оська для меня. Пошел вон!

– Дура! – услышала она ответ, который как выстрел полетел ей в спину.

Лида опять вышла в коридор и подошла к окну. Лавочка была пуста, Аркадий ушел. Немного отдышавшись и оправившись от обиды, Лида вернулась в зал и стала искать глазами Светку. Ее нигде не было. Лида удивилась и не переставала все время оглядывать зал, ища ее. Домой они должны были идти вдвоем, но Света так и не появилась больше. Лиде было скучно на вечере танцев, где все разбилось на какие-то группы и компании, хохотали, пили втихаря вино и танцевали без усталости. Лида ни к кому не примкнула, осталась одна и почувствовала себя так же, как Оська, наверное, одинокой и никому не нужной. Во втором часу ночи, когда возбужденные выпускники высыпали на улицу и отправились гулять шумной толпой, Лида потихоньку ушла домой.

Было немного жутко идти одной по пустынным гулким улицам. Хорошо хоть ее каблук не цокали, а то слышно было бы, наверное, за версту. Лида почти бегом добралась до дома и, быстро раздевшись, юркнула в постель.

– Ну как все прошло-то? – спросила спросонья мама.

– Завтра расскажу. Спи! – ответила Лида, но сама заснуть не могла, мысль о том, куда девалась Света, не давала ей покоя.

На следующее утро Лида первым делом помчалась к Свете Ушаковой. Она позвонила в дверь, ей долго не открывали, потом на пороге появилась Инна Сергеевна, мама Светы и удивленно вскинула брови.

– Здравствуй, девочка. А где Света?

– Как? Она разве не пришла? – у Лиды внутри вдруг образовался холод.

– Нет! Она меня предупредила, что вы пойдете домой вместе, я ждала почти до утра, а потом уснула. Что случилось?

– Я не знаю, Инна Сергеевна. Света исчезла вчера, и с середины вечера я ее больше не видела. Домой возвращалась одна...

Лида заметила, какими испуганными вдруг стали глаза у Светкиной мамы, и сама испугалась.

– Да что же это... Анатолий, ты слышишь? Света пропала! – закричала Инна Сергеевна и торопливо пошла в квартиру, оставив Лиду одну у порога.

Вышел Светкин отец, Анатолий Борисович Ушаков, директор горпромторга, высокий, дородный мужчина в шелковой полосатой пижаме. Лиде стало почему-то неловко, и она опустила глаза.

– Я не знаю, где Света, честное слово, – промямлила она и попятилась к лестнице.

– Подожди, Щепкина. Ты должна мне все рассказать, – услышала Лида громкий басовитый голос Анатолия Борисовича и совсем растерялась.

– Я же уже сказала, Света не предупредила меня, ушла и все. Я сама ведь ее ищу, поэтому и пришла к вам.

Лида чуть не плакала. Ей было страшно и обидно, она чувствовала себя виноватой перед Светкиными родителями и считала нужным оправдываться и извиняться за свой, якобы, промах. Это она не доглядела, и ее подруга исчезла. Что теперь делать, где ее искать?

И тем не менее, Лида не осмелилась сказать Светиным родителям, что видела в их школьном дворе Аркадия. Что-то останавливало ее от этого шага. Лида связывала появление Аркадия с исчезновением Светы, от этого веяло какой-то тайной, поэтому она молчала.

– Ладно! – заявил Анатолий Борисович. – Я сам пойду в школу и все выясню. Кто-то должен нести ответственность за это безобразие. Ты пойдешь со мной, Щепкина.

– Нет, я не могу! Мне еще надо в одно место. Срочно. Я потом приду к вам опять, наверное Света уже вернется...

С этими словами Лида кинулась вниз по лестнице и выбежала во двор. Она уже знала, что ей во что бы то ни стало надо разыскать Аркадия.

«Светка наверняка с ним!» – думала Лида, быстрым шагом направляясь на улицу Попова, где находилась станция городского радиовещания. На пороге ее остановили и спросили пропуск.

– У меня нет пропуска, я по личному вопросу к Аркадию... Аркадию... ой, фамилию забыла.

Суровый мужчина за стеклом взглянул на нее неодобрительно и строго сказал:

– Сюда по личным вопросам не приходят. И Аркадия нет в студии, ищите его дома, если так нужно.

– А вы не подскажете его адрес? Это очень важно! Человек пропал, – последние слова Лида сказала очень тихо и неуверенно, ей даже показалось, что мужчина за стеклом их не слышал.

Но тут она увидела Василия. Он шел по коридору быстрой походкой, долговязый, задумчивый и что-то насвистывал.

– Василий! Здравствуйте! Вы узнаете меня? Я Лида, помните, на танцах? – закричала девушка и замахала Василию руками.

Он остановился, внимательно посмотрел на нее и подошел поближе.

– А-а-а, узнаю теперь. Здравствуй, Лида. Ты чего здесь?

– Понимаете, мне срочно нужен Аркадий. Вы не скажете, где он живет?

– Скажу. И телефон могу дать. Но его нет, он три дня назад в район уехал. Вернется только в пятницу. А что за срочность?

– Как в район? – удивилась Лида. – Этого не может быть, я видела его вчера.

– Ты что-то путаешь. Он уехал в район, я тебе говорю.

Василий смотрел на растерявшуюся Лиду с усмешкой. Он нетерпеливо подпрыгивал на месте, ему явно хотелось поскорее уйти, ждали неотложные дела. Всем своим видом он именно это демонстрировал Лиде.

Она постояла чуть-чуть в замешательстве, потом быстро вышла на улицу и остановилась.

«Куда же теперь?» – подумала она.

– Эй, подруга, подожди секундочку! – услышала она уже знакомый голос и обернулась.

Василий направлялся к ней навстречу.

– Чего ты приперлась на работу? Неужели не понимаешь, что это Аркадию ни к чему, девицы всякие, расспросы, поиски. Это может навредить его репутации. Зачем он тебе?

– Мне нужно с ним поговорить! – резко ответила Лида и сама удивилась строгости своего голоса.

– Ишь ты! А ему нужны твои разговоры? Тоже мне, звезда.

– Я между прочим, подруга его невесты, и разговор у меня важный, касающийся ее. Где он? Я видела его вчера собственными глазами!

Василий вдруг переменялся в лице. Он оглянулся по сторонам, потом наклонился к Лиде и тихо сказал:

– Значит так, никого ты не видела, никого ты не искала, и ни о чем мы с тобой не говорили. Поняла? А если пикнешь, смотри! Я тебя предупредил.

Василий буквально испарился, он ушел так быстро, что Лида и глазом моргнуть не успела. Она опешила от его слов, потеряла дар речи и только сделала произвольный судорожный глоток. Ей стало не по себе. Тайна, которая окутала исчезновение Светы, стала глубже и страшнее. Она пугала Лиду своей недоступностью и неразрешимостью. Теперь ей становилось отчетливо ясно, что она просто обязана все рассказать Светиным родителям. Тогда хоть они будут знать, откуда начинать поиски дочери.

Но Лида страшно боялась Анатолия Борисовича, Светкиного отца, сама не зная почему. Она решила отложить поход к Ушаковым до вечера и направилась домой. Во дворе, рядом с их подъездом она увидела милицейский УАЗик и испугалась еще больше. Лида сразу догадалась, что приехали к ней и, наверное, ее уже дожидаются. Не успев опомниться, она услышала, как ее зовет мама с балкона:

– Лидка, иди скорее, где тебя носит? Тебя тут ждут.

«Ну вот, я так и знала!» – обреченно подумала Лида и стала медленно подниматься к себе в квартиру на второй этаж по грязной обшарпаной лестнице.

Ее и правда ждали двое мужчин в милицейской форме, один постарше, второй совсем молоденький, с усиками, наверное, вчерашний выпускник.

– Здравствуйте, – сказала им Лида и виновато опустила голову.

– Вы Лидия Щепкина? – спросил старший.

– Ну я. Вы из-за Светки Ушаковой? Так я не знаю ничего. Я уже ее родителям все рассказала, – попыталась объяснить им Лида, но ее тут же прервали.

– Не надо опережать события, милая барышня. Вы обязаны помочь нам и ответить на интересующие нас вопросы. Алексей, записывай.

Молодой милиционер, или следователь, Лида толком не понимала, вытащил из папки блокнот, авторучку и приготовился записывать все, что скажет Лида. Но она отвечала на вопросы односложно, повторила все, что сказала утром Ушаковым, а потом немного подумала и добавила:

– У нее весной жених был, потом она с ним поругалась что ли, я не знаю. Может они опять помирились? Только я не знаю ничего про него, кроме имени. Его Аркадием зовут.

– Когда вы видели их вместе последний раз? – тут же последовал вопрос.

Но тут Лида допустила оплошность. Вместо того, чтобы просто ответить на поставленный вопрос, она вдруг переспросила:

– Вместе? Ой, ну вместе давно уже. Еще в марте, на танцах в Доме культуры.

– А не вместе? Аркадия этого самого вы давно видели? Кто он, чем занимается, где живет?

Лида растерялась. Слова Василия, его грозные предупреждения все еще звучали у нее в ушах, она не хотела вмешиваться в это дело и не хотела ничего говорить, но ее загнали в тупик.

– Я не знаю. Он кажется приходил вчера, я его через окно в школьном дворе на лавочке видела.

Лида чуть не плакала. Ей было так страшно и обидно, что хотелось убежать куда-нибудь подальше и не видеть этих злых, озабоченных мужчин, от которых она ничего, кроме неприятностей, не ждала.

Они еще долго расспрашивали ее об Аркадии, о Свете, выясняли какие-то подробности, но Лида путалась, отвечала невнятно и наконец разревелась.

– Знаете что, оставьте ее в покое пожалуйста, – сказала вдруг мама. – Она еще несовершеннолетняя, явно ничего толком не знает и нечего из нее тут виноватую делать. Довели девочку до слез.

Потом мама повернулась к Лиде, толкнула ее слегка и строго сказала:

– Иди умойся и прекрати реветь. Не надо шлаться где попало, тогда и неприятностей не будет! Ищите эту Ушакову с каким-нибудь очередным кавалером, – это она уже милиционерам. – Она девушка легкого поведения, у нее их не счесть.

– Неправда! – закричала Лида из ванной. – Света нормальная, и никого у нее не было последнее время, она сама мне сказала.

Началась перепалка между матерью и дочерью. Мужчины переглянулись, сухо попрощались и ушли.

Полина набросилась на дочь и стала обвинять ее в глупости, разгильдяйстве и еще бог знает в чем.

– Нашла себе подружку! Она поди уже все попробовала, и ты туда же! Лучше за ум взялась бы, раз красотой бог обидел. Думаешь, рядом с этой куклой потрешься, так вся засияешь, как медный грош? Да жопой вертеть и ляжки на показ выставлять – большого ума не надо. Суметь прокормить себя, да с материнской шеи слезть – вот о чем подумала бы! Шалава беспутная!

– Да я-то тут при чем? Чего ты орешь? Светка пропала, а я виновата. Я и не дружила с ней последнее время! – не сдавалась Лида.

– Как же, не дружила! А то я не видела. Танцы-шманцы. А теперь ментов у меня в доме только не хватало.

Обе доходили до крика и не могли остановиться. Мать даже в сердцах шлепнула Лиду по щеке и заставила ее замолчать.

– Все, хватит! Я тебе поору на мать! Прекрати огрызаться и чтобы из дому ни ногой! Сиди и занимайся, пока в училище не поступишь – никакой гулянки, никаких подруг. Добегалась, на учет в милицию скоро поставят, хорошую славу себе заработаешь.

Лида тихо плакала от обиды и несправедливых маминых обвинений. Они ссорились не часто, но если до этого доходило, мать спуска ей не давала. Лида никогда в этих спорах не выигрывала, и все обычно заканчивалось маминым очередным строгим приказом, точно, как в этот раз.

«Ну и ладно. И поступлю в училище. И жить уйду в общежитие, будет тогда знать!» – думала про себя оскорбленная до глубины души Лида и все еще всхлипывала.

Не прошло и часа, как в дверь опять позвонили. Лида снова испугалась, она стала прислушиваться к разговору мамы с пришедшим и по голосу узнала Инну Сергеевну. Лида вышла в коридор. Инна Сергеевна в красивом лиловом костюме, встревоженная и заплаканная буквально бросилась к Лиде.

– Девочка, ну скажи мне, где Света может быть? Ты же знаешь, я чувствую.

– Нет, Инна Сергеевна, я не знаю.

– А товарищу оперуполномоченному ты сказала, что она с Аркадием. Это правда?

– Да ну что вы! Я только сказала, что они дружили когда-то, потом поссорились. Может, опять помирились? Мне ничего не известно. Света пропала, а до этого Аркадий был в школьном дворе. А может, я ошиблась, может это вовсе и не он был.

– Лида! – умоляюще проговорила Инна Сергеевна, – вспомни, это очень важно!

Потом она повернулась к Лидиной маме и сказала:

– Аркадий Солодов, бывший Светочкин кавалер, в настоящее время в командировке, Анатолий Борисович уже выяснил. Но Лидочка говорит, что видела его вчера. Я ничего не понимаю! Может он увез Светочку с собой, он такой настойчивый!

– Да бросьте вы чепуху говорить! Как бы это она уехала с ним и ничего бы вам не сказала? Что она, совсем уж у вас от рук отбилась? – Полина все еще была не в духе.

– Ну что вы, зачем вы так? Светочка очень послушная, хорошая девушка. Конечно, она бы не посмела этого сделать, но ведь обстоятельства разные бывают. Я просто не знаю, что думать. Места себе не нахожу.

– Успокойтесь, найдется ваша Светочка, никуда не денется. Рано еще кавалерами голову забивать, вот что я вам скажу. Построже надо девок держать, а то не ровен час, и... не приведи господи.

– Да, вы правы, Полина Васильевна. Спасибо за совет и поддержку. Я пойду, а ты, девочка, если что вспомнишь, прибеги, скажи. Я очень тебя прошу. До свидания.

С этими словами Инна Сергеевна вышла, и мама закрыла за ней дверь. В доме остался тонкий аромат каких-то чудесных духов и маленький кружевной платочек, который Инна Сергеевна забыла в прихожей на тумбочке.

– «Прибеги, скажи...» Нашли девочку на побегушках! – ворчала недовольная мама, но Лида предпочла промолчать, оговариваться с ней в такую минуту было себе дороже.

3. Посвящение в тайну

Прошло три долгих, нескончаемых дня, которые не принесли никаких известий о пропавшей подруге. Об этом даже в местной газете написали. Анатолий Борисович поднял на ноги городскую общественность, школа была взбудоражена, и срочно отозван из командировки Солодов Аркадий. Ему, наверное, досталось больше всего, как предполагала Лида. Она уже не была на сто процентов уверена в том, что это именно его она видела в школьном дворе в тот вечер. Хотя... была одна деталь, по которой Лида безошибочно могла бы сказать, что это был именно он.

Она точно помнит, что видела толстую золотую цепочку у него на шее. Мужчины у них в городе золотых цепочек не носили, и Лида удивилась еще тогда, на танцах, когда заметила ее через расстегнутый ворот его рубашки. Света просветила подругу и сказала, что это очень модно – мужчинам носить цепочки. Есть даже специальные мужские золотые цепи, только в их городишке об этом никто и не догадывается. Но Аркадий-то был особенный, «столичная штучка», как любила выражаться Света, и уж конечно он старался придерживаться последней моды.

В тот самый вечер Лида посмотрела на мужчину, сидящего на лавочке, и была уверена, что узнала в нем Аркадия. Он смотрел по сторонам, сидел раскованно, руки раскинул по спинке. Его рубашка была расстегнута сверху, и на шее была цепочка. Это Лида точно помнит.

«Да он это был, чего там гадать!» – думала она про себя, но маленькая капля сомнения все же не покидала ее. Все-таки она смотрела на него с четвертого этажа, и уже начинались сумерки.

Прошли выходные дни. Лида все никак не могла заставить себя начать заниматься. Надо было готовиться к поступлению в училище, но мысли не лезли в голову. Она неустанно думала о Свете и молила бога, чтобы та нашлась. В понедельник утром, когда прошла уже почти неделя со дня исчезновения Светы, Лида была дома одна и безуспешно пыталась решать задачки. Алгебру она никогда не любила, а надо было сдавать вступительный экзамен. Если его сдашь, тогда только собеседование надо пройти и все. А если не сдашь, тогда придется писать сочинение, сдавать литературу и приносить образцы своих собственных сшитых изделий. Хотя их нужно приносить всем без исключения, но за это Лида не волновалась. Ее выпускное платье кого угодно убедит в том, что уж чего-чего, а шить-то она умеет.

Прозвенел звонок в дверь. С замиранием сердца Лида кинулась в прихожую, надеясь открыть дверь и увидеть Свету, но каково же было ее изумление, когда на пороге она буквально столкнулась с Аркадием.

- Привет, – сказал он. – Ты одна?
- Да. А ты чего пришел? Где Света?!
- Тихо. Дай войти, поговорить надо.

Лида посторонилась и пропустила его в квартиру. Выглядел он хорошо, выбритый, свежий. Никакого волнения на лице или в голосе.

– Ну что тут? Много шума было? – спросил он, пройдя на кухню и налив себе стакан воды.

Лида, казалось, потеряла дар речи. Она никак не могла заставить себя сказать хоть слово, хотя вопросов у нее было миллион.

– Аркадий, объясни мне, где Света. Конечно много шума, а ты как думал? Что у нас тут, каждый день девушки пропадают?

– Ну, смотря какие девушки. Ты вот, к примеру, не пропала никуда. И наверное еще не скоро пропадешь, а подруга твоя не пропала, а уехала на время.

– Ты что, за дуру меня принимаешь?! Света уехала и никому ни слова не сказала? Прямо в выпускном платье, прямо с выпускного бала?

Аркадий свысока посмотрел на возмущенную Лиду, усмехнулся и сказал:

– Ты вот что, собирайся по-быстрому и пошли со мной. Свете нужна твоя помощь, она меня за тобой послала.

– Какая еще помощь? Где она, скажешь ты наконец или нет?

– Пошли со мной и все узнаешь.

Лида, как ошпаренная, выскочила за ним, и они направились в сторону проезжей части. Аркадий надел солнечные очки, шел он очень быстро, Лида еле поспевала за ним.

«Как будто прячется от кого-то или не хочет, чтобы его заметили», – мелькнуло у нее в голове.

По дороге Аркадий поймал такси и усадил Лиду на переднее сидение, а сам сел сзади. Она не часто ездила в такси, от силы раз или два за свою жизнь и поэтому почувствовала себя и горделиво, и неловко одновременно.

– Куда мы? – спросила она, повернувшись к Аркадию в поворот.

– На кудыкину гору. Слышала про такую?

Лида обиделась и замолчала.

«Надо было хоть маме записку написать», – подумала она.

Ехали они минут двадцать, миновали уже заводской пригород и свернули на узкую улочку. Проехав два квартала, машина остановилась у красивого деревянного домика, небольшого, но ухоженного.

– На ключи и заходи в дом, я расплачусь, – сказал Аркадий, и Лида поспешно вышла из машины.

Поднявшись на невысокое крыльцо, она отперла дверь и вошла в дом, не дожидаясь своего спутника. Ее нетерпению не было предела.

– Света, – громко позвала Лида, но ответа не последовало.

Она увидела перед собой закрытую дверь, ведущую в комнату из узкого темного коридора. Потянув ее на себя за массивную кованую ручку, Лида услышала скрип, дверь открылась, и она вошла в просторную залу. Здесь было светло, чисто и красиво. Но никого не было.

– Света, ты здесь? – Лида снова позвала подругу, надеясь услышать или увидеть ее.

– Не кричи, здесь глухих нет, – услышала она за своей спиной голос Аркадия. – Садись на стул и слушай.

Лида села и воззрилась на него недоуменным взглядом. Вся эта история ей уже совсем не нравилась, и она начала волноваться, не понимая, что происходит, и зачем Аркадий привез ее сюда.

– Где Света? – все же спросила она.

– Ты можешь помолчать? Я тебя сюда привез, чтобы серьезно с тобой поговорить. Светы здесь нет. Она уехала. Никаких вопросов, никаких истерик. Только слушай, что я тебе скажу. Так получилось, что у нее... ну у нас... будет ребенок.

– Какой ребенок? Откуда он возьмется... Ой, господи, ну конечно же... я поняла... Света беременная, да?

– Сообразительность – высший класс! Откуда дети берутся, ты потом как-нибудь узнаешь, объяснять тебе у меня нет времени. А вот это Света просила передать тебе. Отнесешь ее родителям и скажешь, что нашла это в почтовом ящике. Все, больше никаких разговоров с ними не веди. Меня ты, разумеется, не видела, я тебе ничего не говорил и не передавал.

– Аркадий, но они от меня не отстанут! Они и так меня теребили, расспрашивали, милиционеры домой приходили, все у меня выуживали. Ты думаешь, это так легко? – Лида чуть не рыдала от ответственности, которую на нее возлагали.

Аркадий как будто ее не слышал.

– Вот тебе записка от Светы, тут все сказано, что конкретно нужно сделать.

Лида лихорадочно развернула листок и прочитала:

«Лида! Выполни пожалуйста мою просьбу, отнеси родителям письмо и скажи, что нашла его в почтовом ящике. За меня не беспокойся, я в порядке. Придет время, и ты все узнаешь. Так получилось, что мне пришлось уехать. Но когда-нибудь мы снова увидимся. Света»

– Все понятно, или нужны разъяснения?

– А зачем же ты мне сказал, что Света ждет ребенка? Здесь об этом ничего не сказано!

– Она меня просила, я тебе рассказал.

Аркадий встал и подошел к Лиде вплотную. Он как-то странно смотрел на нее, то ли зло, то ли устало. Лида сначала не поняла, а потом вдруг почувствовала, как он крепко сжал ее плечо.

– Ты чего? – спросила она, пытаясь высвободиться, но ей это не удалось.

Рядом со своим лицом, почти совсем вплотную она увидела красивое лицо Аркадия, мужчины, который несколько раз снился ей в тяжелых, тревожных снах, после которых она чувствовала себя прескверно. Лида хотела еще что-то спросить, но не успела. Он буквально зажал ей рот своими горячими губами, одну руку он положил ей на грудь, слегка сжав ее, а вторая рука уже скользила по Лидиному колену, сминая ее юбку в гармошку.

Лида вскочила так резко, что стул опрокинулся и упал, грохнувшись об пол. Она отпрянула от Аркадия и даже попыталась дать ему пощечину, но промахнулась.

– Ты чего, с ума сошел, нахал бессовестный?! – выкрикнула ошалевшая Лида. Лицо ее стало пунцовым, руки сжались в кулаки, вся она напряглась и совершенно растерялась.

– Ты что, девочка что ли еще, надо же! – сказал ничуть не смутившийся Аркадий, – Хотя... понятно. Ладно, не буду еще один грех на душу брать.

С этими словами он подошел к пятившейся от него Лиде, взял ее за локоть и потянул к выходу.

– Иди и сделай все, как тебя просили. Да, вот еще что. Это тебе за труды.

Аркадий протянул Лиде двадцатипятирублевку. Она непроизвольно взяла деньги, все еще пылая от стыда. Она так толком и не поняла, что хотел с ней сделать Аркадий, зачем целовал ее, зачем унизил и оскорбил, и вообще, что все это значило.

«Интересно, где тут автобусная остановка?» – думала Лида и шла, спотыкаясь, в неизвестном направлении. «Как же так можно! Зачем он полез, боже мой, стыд-то какой! Как же я Светке теперь в глаза посмотрю?»

Мысли у Лиды путались, сменяя одна другую, и она даже не замечала, что по щекам ее текли горячие слезы стыда и обиды.

Домой она вернулась уже под вечер, усталая и совершенно разбитая. Мама еще не было, Лида пошла в ванную, кое-как ополоснулась и легла в кровать.

«Скажу, что заболела», – подумала она и провалилась в тяжелый сон.

Лида проспала до следующего утра. Пришедшая с работы мама, правда, разбудила ее вечером, но Лида не поднялась, сквозь сон она сказала маме, что у нее очень болит голова.

Утром первым делом она достала конверт с письмом Светы и решила его открыть, чтобы прочитать. Конверт был заклеен, на нем крупным, размашистым Светкиным почерком было написано: «Маме и папе». Лиде не хотелось, чтобы

они знали, что она читала Светкино письмо, поэтому она закипятила чайник и стала держать конверт над паром. Фокус удался, конверт легко расклеился, и Лида вытащила из него вчетверо свернутый тетрадный лист.

«Дорогие мои мамулечка и папулечка. Простите меня. Я вас покинула и плачу до сих пор. Мы с Аркадием решили пожениться, но мне ведь нет восемнадцати, и вы не разрешите, я знаю. А в Москве у него связи, нас там распишут. Если вы перестанете сердиться на меня, то

мы с моим мужем, которого я очень люблю, обязательно приедем к вам следующим летом, может быть, даже втроем.

Не судите строго Аркадия, он уговаривал меня пойти к вам и признаться во всем, но я ему не разрешила этого делать. Иначе я бы не смогла оставить вас, духу бы не хватило. Тогда бы мы с Аркадием расстались навсегда, а я не могу этого допустить. Простите еще раз. Я очень люблю вас.

Ваша дочка Света.»

Письмо было написано красивым почерком, ровно, без помарок. Было сразу ясно, что Света писала с черновика и очень старалась.

«Боже мой, бедная Светка!» – думала Лида и перечитывала письмо еще и еще раз. Нет, ей не было стыдно за то, что она прочитала его. Просто перед тем, как нести его Светкиным родителям, Лиде хотелось убедиться в том, что Аркадий сказал ей правду. Выходило, что так.

«Не буду я врать, скажу все, как было. И дом этот я смогу найти и показать. Пусть они с этим Аркадием разберутся как следует», – решила про себя Лида и стала собираться к Ушаковым. Она вспомнила, что сегодня вторник, значит, Анатолий Борисович на работе, а Инна Сергеевна дома одна, тем лучше. С ней Лиде будет легче разговаривать.

Инна Сергеевна открыла дверь сразу же и тут же запричитала:

– Лидочка, девочка! Ты с вестями? С хорошими, правда ведь? Вспомнила что-нибудь?

– Инна Сергеевна, я с вестями, с хорошими вестями. Света жива, не волнуйтесь.

Инна Сергеевна вся обмякла, скукожилась, прижала руку к груди и с тяжелым вздохом опустилась в глубокое кресло, стоящее в просторной прихожей.

– Я знала, я верила... ты ангел, – тихо говорила она, а из глаз ее мелкими струйками текли слезы.

– Вот, прочитайте, – сказала Лида и протянула конверт.

Инна Сергеевна взяла конверт очень осторожно, двумя пальчиками и стала дрожащими руками разрывать его. Вытащив и развернув листок, она быстро пробежала его глазами.

– Нет, этого не может быть! – проговорила она тихо. – Этого не может быть, девочка! Света, доченька...

И тут Инна Сергеевна зарыдала. Она уронила голову на руку, лежащую на подлокотнике кресла и громко плакала. Плечи ее вздрагивали и казалось, что при этом она отрицательно качает головой из стороны в сторону.

– Ну, вы успокойтесь. Ничего ведь страшного не произошло, – пыталась поговорить с ней Лида, но ее слова не возымели никакого действия.

Инна Сергеевна все так же сотрясалась от рыданий, и Лида принесла ей стакан воды из кухни. Понемногу бедная женщина взяла себя в руки. Она почти перестала плакать, хотя слезы все так же катились из ее несчастных глаз.

– Откуда это у тебя? – спросила она Лиду.

– Понимаете, его мне передал Аркадий. Он отвез меня в один дом, обманул, сказал, что Света там и ей нужна моя помощь. Но Светы там не было. Он тогда отдал вот это письмо, и просил сказать вам, что я нашла его в своем почтовом ящике. Я не стала врать, Инна Сергеевна. Хотите, я вам дом покажу? Это в Заводском пригороде, я найду.

– Нет, мы одни не поедem. Я сейчас Анатолию позвоню, поедem на его служебной машине, вместе с ним.

Инна Сергеевна торопливо подбежала к телефону и набрала номер. Когда в трубке ответили, она опять зарыдала и не могла сказать ни слова. Лида взяла у нее трубку из рук и на встревоженный приказ Анатолия Борисовича «пусть самая страшная, но правда» ответила:

– Товарищ Ушаков, это Щепкина говорит. Не волнуйтесь, Света жива, только она уехала, а я принесла вам письмо от нее. Инна Сергеевна хотят поехать по одному адресу вместе с вами, вы не могли бы подъехать на служебной машине?

– Черте что! – услышала она в ответ. – Ждите дома, через пятнадцать минут буду!

Анатолий Борисович выполнил свое обещание и прибыл ровно через пятнадцать минут. Он был взволнован, насторожен и смотрел на Лиду неодобрительно. Она опять почувствовала себя виноватой и тихо молчала, пока он успокаивал свою жену и заставлял ее выпить какие-то капли с неимоверно терпким запахом, распространившимся на всю квартиру.

– Инна, слезами делу не поможешь. Уехала, вернем! А этого мерзавца я засажу, я тебе клянусь! – бушевал Анатолий Борисович, стуча себя кулаком в грудь.

– Будет тебе, Толик! Этот мерзавец, как ты его назвал, похоже теперь твой зять. Ах, нет, я не могу так, не могу! – опять запричитала Инна Сергеевна и снова расплакалась.

Лида была готова бежать куда глаза глядят, лишь бы не видеть и не слышать Ушаковых в горе и гневе. Но она обещала помочь, поэтому стояла в прихожей и ждала, когда ее помощь понадобится.

– Так! – наконец сказал Анатолий Борисович. – Поехали! У меня мало времени, я совещание перенес, люди придут, я должен быть на работе не позднее двух.

Все стали спускаться, Инна Сергеевна все еще плакала, и Лида придерживала ее слегка, тогда как Ушаков быстро и сноровисто бежал вниз по лестнице, даже не держась за перила.

Дом Лида нашла без труда. Она знала Заводской район, помнила улицу и показывала водителю дорогу так уверенно, что Анатолий Борисович заметил:

– Похоже, ты тут уже не первый раз, Щепкина.

– Второй, товарищ Ушаков. Первый раз я здесь была вчера, поэтому все хорошо помню.

Подъехали к дому. Он еще издали показался Лиде пустым, наверное потому, что ставни были наглухо закрыты. А когда подъехали поближе, то увидели массивный замок на входной двери.

– Ты ничего не путаешь, Щепкина? Это тот дом?

– Ничего я не путаю. Я же говорю, была здесь вчера.

– Уехал он, наверное, Толик, – сказала Инна Сергеевна. – К Светочке уехал, в Москву. Пойди найди их теперь.

Было заметно, как бедная женщина еле сдерживала слезы. Анатолий Борисович тем временем записал адрес в свой блокнот и сказал шоферу, чтобы тот отвез их обратно.

– Займись этим сегодня же. Должен быть тут хозяин, его разыщут, и я с ним сам побеседую.

Лида вышла из машины недалеко от своего дома, а Ушаковы поехали дальше. Они ее даже не поблагодарили за помощь, как будто она им обязана чем-то. Но Лида не обижалась, в конце концов их тоже можно понять, такое горе, позор. Ну Светка и отмочила номер! Лида негодовала. Она решила для себя, что с этого момента они больше не подруги. Она сделала все, что смогла, а теперь надо про Светку Ушакову забыть. Пусть она живет со своим Аркадием, а у нее, Лиды, теперь тоже начнется своя новая жизнь.

4. Беда не приходит одна

Но не прошло и трех месяцев, как произошло событие, которое потрясло их городок. Однажды вечером, придя с работы, Полина Васильевна громко позвала дочь и сказала ей:

– На вот, почитай! Полюбуйся!

Она бросила на стол свернутую в трубочку газету, и Лида быстро развернула ее. Ей сразу бросился в глаза заголовок огромной статьи: «ВЗЯТКИ ГЛАДКИ».

– Что это? – спросила Лида.

– Читай, читай! Ушаков твой разлюбезный взяточник и вор. А ты там у них первая гостья.

– Мама! – сердито сказала Лида и начала читать.

В статье громили Анатолия Борисовича на чем свет стоит. В чем он только не был замешан: брал взятки за продажу холодильников, телевизоров и даже машин вне очереди. Весь импортный товар, включая мебель, распродался прямо с базы, не поступая в открытую продажу. Меха, золото, хрусталь – это было доступно только избранным и опять же непосредственно с базы. Понятно, что такие услуги предоставлялись избранным счастливицам не безвозмездно. У Анатолия Борисовича из сейфа были изъяты списки людей с заказами, где напротив фамилий красовались суммы «гонорара», которые Анатолий Борисович должен был получить или уже получил за свою помощь и расположение.

Но самым главным и страшным обвинением были даже не взятки, а операция «Гуманитарная помощь», которую Анатолий Борисович прокрутил с такой легкостью, что никто даже и глазом моргнуть не успел. Суть операции состояла в том, что добропорядочные немецкие друзья из города-побратима прислали к ним в город огромную партию детских комбинезончиков, которые, как оговаривалось в сопроводительном письме, должны быть в первую очередь розданы в качестве подарков детям малоимущих семей, детдомам, ну а затем всем желающим.

Анатолий Борисович вызвался руководить процессом приема гуманитарной помощи, оприходованием ее на горпромторговском складе и оттуда уже раздачей ее по назначению. Первая часть обязательства была выполнена очень добросовестно. Гуманитарную помощь получили, отгрузили и свезли на склад, куда в течение двух недель шли непрерывным потоком друзья, родственники, знакомые Анатолия Борисовича, да и просто нужные люди. Когда они удовлетворили свои потребности, комбинезончиков еще оставалось довольно много, несколько тысяч. Но их, эти тысячи, не увидел ни один малоимущий ребенок или сирота. Они были проданы в соседнюю область, в соседний горпромторг за наличный, что характерно, расчет. Документы об отправке товара есть, подтверждение о приеме имеется, а вот денег нет. Точнее, они есть, конечно, только не в городском бюджете и не в карманах у малоимущих, а скорее всего на сберкнижке оборотистого Анатолия Борисовича.

Так говорилось в статье. Писал ее корреспондент, который сам участвовал в расследовании, затеянном по письму одного из обиженных малоимущих, присланному в редакцию местной газеты. Имя корреспондента было странным, Соломон Аркадьев, псевдоним скорее всего.

– Ничего себе. Что же это получается, Анатолий Борисович Ушаков украл гуманитарную помощь? Да я в жизни не поверю! Клевета это!

– Ну и дура. Чего бы ты понимала, ты еще жизни не нюхала, а туда же, «клевета»...

Лида не стала спорить с матерью. В голове у нее не укладывалось это все. Кто он такой, этот Соломон, откуда взялся? Что будет со Светкой, когда она узнает?

– Мама, а что ему теперь будет? – спросила Лида рассерженную мать.

– Угадай с трех раз, что ему светит?

– Судить будут? В тюрьму посадят что ли?

– Да за такое тюрьмы мало! Вышку бы дали, я бы не всплакнула. А суд уже был, десять лет с конфискацией имущества схлопотал твой Ушаков.

– Вышка – это что, виселица?

Мать посмотрела на Лиду так, что ей стало не по себе.

«Лучше уж не затевать с ней никаких разговор сейчас», – подумала Лида и ушла к себе. Ей было обидно за Анатолия Борисовича, но еще было очень жаль Инну Сергеевну. «Что теперь с ней? Где она сейчас?» – думала Лида.

Она решила, что ей надо навестить Инну Сергеевну, поддержать ее морально, но только так, чтобы мама не знала. Надо же, бедная женщина, и дочь потеряла, и мужа.

Лида пришла к Ушаковым дней через пять после разговора с матерью. До этого не решалась, боязно было, да и не знала она толком, что сказать, как поддержать Инну Сергеевну. Но той дома не оказалось. Дверь ей открыла седенькая приветливая старушка.

– Тебе кого, девочка? – ласково спросила она, и Лида сразу узнала интонации Инны Сергеевны.

– Я к Ушаковой Инне Сергеевне. А вы ее мама? – спросила Лида.

У старушки заслезились глаза, она промокнула их платочком и ответила:

– Мама, меня зовут Александра Яковлевна. Ну проходи, раз пришла. Только нету Инны Сергеевны, в больнице она, нервное расстройство.

Лида долго проговорила с Александрой Яковлевной. Говорили обо всем, о Свете, об Анатолии Борисовиче, которого, как выяснилось, Александра Яковлевна всегда недолюбливала, о том, что он совершил, и о том, как тяжело перенесла Инна Сергеевна две такие большие утраты.

От Светы ни слуху, ни духу. Встретиться со Светой и Аркадием родителям так и не удалось. Анатолий Борисович конечно нашел адрес, по которому Аркадий прописан в Москве, и телефон он знал. Но сколько они ни звонили туда, дозвониться не смогли. Инна Сергеевна умоляла мужа поехать и разыскать Свету, но тот все откладывал поездку. Дел было невпроворот, да и зол он был на дочь очень.

– Уехала, сбежала, родителей на проходимца променяла, а я поеду ей в ножки кланяться! Не дождетя! – бушевал рассерженный отец.

Инна Сергеевна снова принималась умолять его, но однажды собралась ехать сама. Тогда муж сменил гнев на милость и заявил:

– Ладно, подожди немного, вот с гуманитарной помощью покончу и поедем. Но имей в виду, я ее в охапку и сюда приволоку!

– Толя, ну нельзя так. Ребенок у них будет, любят они друг друга. Наше дело теперь помогать...

А потом случилась беда, Анатолия Борисовича арестовали со всеми вытекающими из этого последствиями. Все эти подробности Лида узнала от доброй Светкиной бабушки во время их скорбной беседы.

За разговорами Александра Яковлевна напоила Лиду чаем с вкусным малиновым вареньем и пирогами с яблоками. Они обе поплакали, и Александра Яковлевна сказала, что, как только Инна Сергеевна поправится, она увезет ее отсюда в Калининград, откуда они обе родом.

– Эту квартиру мы все равно потеряли. Все пойдет прахом, все конфискуют. Я и так как на пороховой бочке сижу, того и гляди выпнут отсюда, хоть бы Инночку дожждаться... – с горечью говорила Александра Яковлевна.

Но Инночку она дождалась не скоро. Болезнь ее прогрессировала, из больницы ее не выписывали, и Александре Яковлевне ничего не оставалось делать, как уехать к себе домой и попытаться перевести свою дочь в местную больницу, на что она потратила добрых два месяца.

Когда наконец вопрос был решен, Александра Яковлевна вернулась за дочерью. Лида узнала об этом случайно. Мама сказала ей, что Светкина бабушка приходила в магазин, совсем постаревшая, осунувшаяся.

– Вот до чего эта девка всех довела, да и папаша ее непутевый. Две женщины так пострадали, – высказалась Полина Васильевна.

Лида приобняла мать за плечи и тихо сказала ей:

– Надо помочь Александре Яковлевне. Больше ведь некому. Пойду схожу, узнаю, что нужно.

Мать перевернула плечами и сказала слегка неодобрительно:

– Ты вечно везде лезешь, помощница. Тебе всегда больше всех надо!

Но Лида этот упрек проигнорировала и отправилась к Ушаковым домой. Но Александру Яковлевну она там не нашла, так как квартира Ушаковым больше не принадлежала. Сердобольная соседка приютила пожилую женщину у себя. Она пригласила Лиду войти и провела ее в маленькую комнатку, где в кресле с потухшим взором сидела Александра Яковлевна. Увидев Лиду, она закивала головой и сказала неуверенно:

– Проходи, милая. Я вот уже собираюсь, кое-какие Иннины вещички надо сложить, всего-то мы не увезем все равно. А завтра я Инну заберу из больницы.

Лида помогла ей упаковать вещи и через два дня провожала их на вокзале. Инна Сергеевна была «совсем плохая», как выразилась Александра Яковлевна. Действительно, она очень постарела, поседела и Лиду сначала не узнала.

– Ты кто, девочка? – спросила она ее на вокзале.

– Я Лида Щепкина, Светина одноклассница. Помните меня?

– Ах, да, припоминаю, кажется, – сказала безразличным голосом Инна Сергеевна, и Лида не поняла, припоминает или нет, но это было не важно.

Вид больной истерзанной женщины так потряс, так поразил ее, что она долго не могла заснуть потом, и позже долгое время часто просыпалась по ночам и с ужасом думала о том, как горе может сломать, искалечить человека.

«А Светки рядом с ней не было. Дочь, называется. Да что б ей пусто было!» – негодовала тогда Лида.

Про Ушаковых в городе постепенно забыли. Как будто и не было людей вовсе, и Лида все никак не могла понять, куда же девалась Света, что с ней, почему она так неожиданно исчезла и даже ни разу не позвонила родителям. Эта мысль преследовала ее долгие месяцы.

Постепенно все утряслось, успокоилось. Лида Щепкина пережила это горе, которое ее, как будто, и не касалось, но все же не оставило равнодушной.

5. Счастливый билет

Лида уже второй год училась в училище, ее мечта стать портнихой приобрела реальные очертания, и она даже выполнила уже свой первый заказ: сшила платье маминной приятельнице Зине Мишуковой, дочь которой выходила замуж, и Зина хотела появиться на свадьбе дочери в новом. Платье получилось хорошо. Ткань была дорогая, импортная, и Лида старалась изо всех сил. Зина Мишукова заплатила Лиде за работу, и это был ее первый взнос в свой накопительный фонд.

В училище она была одной из первых учащихся, ее работы отличались аккуратностью, точностью исполнения и оригинальностью. На студенческом конкурсе «Эксклюзивное платье» Лида Щепкина заняла первое место, сшив самое оригинальное и красивое из всех, а прообразом ему послужило то самое Светкино платье, которое она надевала на танцы в Дом культуры. Только цвет у Лидино платье был темно-розовый, а не бордовый. Лида сама изготовила розочки из розового бархата и точно так же украсила ими вырез-лодочку. А еще она придумала к платью широкий пояс, тоже с розочками.

– Молодец, Щепкина! Мы отправим твоё платье в Москву на конкурс молодых модельеров. Если оно там пройдет отбор, то тебя, как мастера, пригласят участвовать уже во всесоюзном студенческом конкурсе, – сказал ей директор, и Лида не поверила своим ушам.

Лиде стало немного стыдно. Ведь не она же фасон придумала. Но рассказывать об этом она не стала и подумала про себя, что вряд ли ее платье пройдет отборочный тур. Москва все-таки. Там таких мастериц, как она, пруд пруди.

Но она ошиблась. Сразу после новогодних каникул Лиду вызвал к себе директор и вручил приглашение в Москву на конкурс.

– Командируем тебя. Поедешь, Щепкина. И смотри, чтобы без победы не возвращалась.

По условиям конкурса Лида должна была изготовить две вещи на свое усмотрение и предоставить выкройки своих изделий, которые придумать нужно было самой. Это Лиду не волновало, тут она спец. А вот обязательная программа – это пошив делового костюма на подкладке с английским воротником. Тут Лида переживала. Она и учится-то швейному мастерству всего полтора года. И такие костюмы они еще не шили.

– Мне бы потренироваться с кем-нибудь, Иван Михайлович, – попросила Лида директора.

– Софья Натановна тебе поможет, – ответил он.

Софья Натановна была строгой, нервной и нелюбимой преподавательницей. Дело свое она знала хорошо, но с учащимися не ладила. Лет ей было около шестидесяти, бабулька, одним словом. Но Лида не роптала. Она знала, что никто ее лучше не подготовит. Несколько недель до поездки в Москву Лида долгими вечерами пропадала в училище, она шила, перешивала, порола и начинала сначала. Софья Натановна обзывала ее криворукой, слепой, бездарной и говорила, что «нечего куда ехать, позориться». Но Лида не обижалась, в глубине души она понимала, что Софья права, но ехать в Москву ей хотелось так, что ничто не могло ее остановить.

Поездка была назначена на март. К этому времени Лида под руководством своей наставницы умудрилась сшить три костюма. Первый куда не годился, с плохо выделанными проймами и тянущей подол юбки подкладкой был оценен строгой учительницей на два балла. Второй был намного лучше. Единственным его недостатком был очень уж узкий и немного несимметричный воротник.

– Уродище, а не воротник! – заявила Софья Натановна.

Третий костюм они уже шили вместе. Точнее, кроила и шила, конечно, Лида, но Софья Натановна не сводила с нее глаз.

– Ладно, Щепкина, – сказала она наконец, – последнее твоё изделие я так быть, на четыре балла оценю. Но запомни, в Москве не я тебе буду баллы выставять. Там, если ты такое сошьёшь, опозоришься на весь белый свет! – напутствовала Лиду её наставница, и она все больше и больше волновалась.

Мать, отправляя Лиду в Москву, тоже ужасно переживала.

– Куда едешь, зачем? – вопрошала она. – Потеряешься там, неровен час.

– Мама, да не потеряюсь я! Что мне, пять лет? Я знаю адрес, знаю станцию метро и знаю, как туда добраться, мне все объяснили.

Но Полина Васильевна не была спокойна до тех пор, пока не выяснилось, что Лида едет в Москву не одна. С ней откомандировали и Софью Натановну, которая должна была презентовать их училище в Москве и, если Лида выиграет в конкурсе, постараться выбить средства для обновления и ремонта.

Конкурс «Золотая игла» проходил на московской швейной фабрике имени Третьего Интернационала. Она же выступила инициатором конкурса, целью которого было отыскать во всех уголках страны талантливых мастериц и лучшим из них предоставить работу на фабрике. Девушки съехались отовсюду. Лида была одна из многих и на большой успех не рассчитывала. Разместили их в общежитии фабрики, где им с учительницей досталась совместная комната. Софья Натановна тут же отправилась в местный пункт проката и взяла там швейную машинку на прокат сроком на одну неделю.

– Будешь шить день и ночь. Оверлок у тебя дрянной, петли метать учишься и внутренние швы заделывать.

Лида не перечила. Она сидела за швейной машинкой по десять часов в сутки и очень старалась. Все у неё уже получалось, она легко строчила, прекрасно заделывала изделие изнутри и понемногу перестала волноваться.

– Я все равно не выиграю, но и в грязь лицом не ударю, – говорила она Софье Натановне, но та укоризненно качала головой.

– С таким настроением лучше вообще не соваться. Что значит «не выиграю»? Зачем тогда перлась сюда? Настраивайся на победу, иначе нечего и лезть.

Конкурс был рассчитан на три дня. Первый день – предоставление жюри своих готовых изделий и выкроек к ним. Лида предоставила все то же розовое платье и летний костюм из плотного льна лимонного цвета. Всю прелесть костюма представляла собой великолепно выполненная мережка. Этому Лиду научила её бабушка, когда девочке было лет десять. Лиду попросили продемонстрировать, как она делала мережку, чтобы убедиться в том, что это именно она её выделывала. Большого труда это Лиде не составило, она показала жюри свое мастерство и получила сразу девятнадцать баллов из двадцати возможных.

Второй день конкурса – обязательная программа. Раскрой, сметывание и примерка делового женского костюма.

Третий день – закончить костюм и продемонстрировать его жюри. Шить нужно было на себя или на кого-то из посторонних. На конкурс было предоставлено и несколько манекенщиц, но их явно не хватало на всех участниц.

– Я буду шить костюм на вас, – сказала Лида Софье Натановне, и та, как ни странно, не отказалась.

– А что, я хоть и полновата, но фигура у меня пропорциональная. Да и помогу тебе где советом.

На том и порешили. Лиде выдали три метра полушерстяной материи с лавсаном, светло-серого цвета и, слава богу, без полосок и клеток. И началась работа. Они с Софьей Натановной выбрали фасон из предложенных буклетов: прямая юбка со шлицей, слегка приталенный пиджак, который непременно будет стройнить полноватую женщину. Ну и обязательные атрибуты – английский воротник и подкладка, что представляло для Лиды наибольшую сложность.

Работали конкурсантки в огромном пошивочном цехе, где у каждой была своя машинка и стол для раскроя. Лида делала свою работу уверенно, со знанием дела, и занятия с Софьей Натановной явно не прошли для нее впустую.

– Молодец, девка! – говорила ей та. – Подкладку у юбки к подолу не подшивай, тянуть будет. Оставь свободной, – давала она совет и не один.

Лида слушалась. К концу третьего дня конкурса она благополучно завершила свою работу. Костюм был закончен, отутюжен. На нем красовались серебристо-серые костюмные пуговицы, которые его очень украшали, и из маленького нагрудного кармана выглядывал уголок кружевного платочка, того самого, который Инна Сергеевна, Светкина мама, забыла когда-то у Лиды дома.

Наступило время показа. Софья Натановна облачилась в новый костюм, надела только что приобретенные в ГУМе туфли, тоже серые, элегантные, на устойчивом прямом каблучке и стала похожа на директрису или начальницу, одним словом, на важную персону. Она была хорошо причесана и прошла перед жюри тоже с важным видом, ненадолго даже остановилась перед всеми, слегка повернулась боком, чуть-чуть согнув в колене ногу, а затем так же важно и с достоинством удалилась.

Ее удостоили аплодисментами и улыбками и попросили Лиду выйти к жюри. Девушка дрожала всем телом, хотя и понимала, что ее костюм жюри понравился. Ей задали несколько вопросов, спросили, почему именно этот фасон она выбрала и порасспрашивали об особенностях ткани, из которой она шила костюм.

Лида отвечала громко и уверенно, а про фасон она сказала так:

– Понимаете, Софья Натановна, ну... это вот, моя модель в общем, она же не юная стройняшка, которым юбки карандашом и не пойдут вовсе. Она женщина в теле, и даже кое-что необходимо скрыть. Поэтому костюм должен быть не широким, именно с прямой юбкой и приталенным пиджаком, который подчеркнет ее талию и скроет излишки. И нарядным он должен быть, такой костюм не только на работу, но и в театр надеть можно, особенно с платочком.

Рассуждения выглядели наивно, но с правотой трудно было не согласиться. Члены жюри улыбались, согласно кивали головами и, поблагодарив Лиду за участие, попросили уступить место следующей конкурентке.

Баллы выставлялись в тайне от участников и публики. Их должны были огласить в конце, когда определяться места победителей. Первую пятерку ожидала возможность работы в Москве, остальных участниц ждали ценные подарки, призы и денежные вознаграждения.

– Ну, Лидка, если ты в первую пятерку не попадешь, я тебя убью! – весело сказала ей Софья, и Лида даже немного обиделась.

Показ моделей наконец завершился. Лиде очень понравился только один костюм, сшитой девушкой из Омска. Он был цвета слоновой кости в тонкую полоску, с расклешенной юбкой и пиджаком с поясом.

– На заграничный похож, – сказала она Софье Натановне, но та недовольно фыркнула.

– Воротник-то неправильно выкроен, неужели не заметила? Полоски не так пошли. Нет, не пройдет она, помяни мое слово.

Но она ошиблась. Этот костюм вошел в пятерку, так же, как и Лидин, который был признан одним из лучших.

Вечером была устроена церемония награждения, вручение призов и банкет.

– Корреспонденты будут из газет. Тебе, может, придется давать интервью. Говори грамотно, без всяких там «это вот» и «вообще-то». Отвечай только на поставленный вопрос и не разглаговльствуй много, – учила Лиду Софья Натановна, но та боялась интервью, как огня.

– А фотографировать будут? – спросила она. – Надо хоть сходить прическу сделать.

– Еще чего! Я сама тебе волосы уложу. Оденься получше, губы подкрась.

Лида послушалась. Она надела белую блузку с кружевным жабо, маленькими черными пуговками и черным бантиком, черную шерстяную юбку и черные лаковые туфли, мамины. Она дала ей их в Москву съездить.

– Вдруг пригодятся, – сказала она.

Лида выглядела очень нарядно. Софья Натановна скрутила ее волосы в тугий узел на затылке и начесала челку.

– Все, больше ничего не нужно. На вот клипсы мои надень.

И она протянула Лиде перламутровые клипсы, сделанные в виде ромашек. Клипсы Лиде понравились. Они очень шли ей и подходили к блузке.

Началась торжественная церемония. Было сделано несколько докладов, потом перешли непосредственно к итогам конкурса.

– На сцену приглашаются пять наших лучших мастериц, которые и признаны победительницами конкурса: Мартынова Ольга, Щепкина Лидия, Верховая Анастасия, Лебедева Зинаида и Булавина Маргарита.

Под бурные аплодисменты девушки вышли на сцену. Защелкали фотоаппараты, заиграла бравурная музыка, и директор фабрики сам лично подошел к каждой и пожал руку со словами поздравления и благодарности за участие в конкурсе. Лида изрядно волновалась. Не привыкшая к такому вниманию, она чувствовала себя не совсем уютно на глазах огромной аудитории, да еще мужчина какой-то на первом ряду не спускал с нее глаз. По-видимому, корреспондент. Он постоянно что-то записывал в огромный блокнот и порой фотографировал то зал, то сцену.

Наконец, девушек отпустили, они заняли свои места, и торжественная часть продолжилась. Лида сидела на крайнем от прохода месте, и к ней вдруг подошла одна из женщин, член жюри.

– Лидия, вас там спрашивают, – сказала она, наклонившись к ней.

– Кто? – удивилась Лида.

– Корреспондент из «Комсомольской правды». Хочет с вами побеседовать.

Лида почувствовала тревогу. Ее еще никогда не называли на «вы», да и к тому же предстоящая беседа с корреспондентом внушила ей испуг.

– Софья Натановна, пойдете со мной, я не знаю, что говорить.

– А я тебе ничего не подскажу, милая моя. Тебя ведь будут спрашивать, не меня. Но с тобой пойду. Кабы ты там чего не лягнула.

– Здрасьте! Подбодрили. Да ну вас! – в сердцах сказала Лида и быстро пошла по проходу в вестибюль в сопровождении пригласившей ее женщины. Софья Натановна засеменяла следом.

– Аркадий Георгиевич, вот она, Щепкина Лидия, наша победительница. Вы ее приглашали? – сказала женщина выйдя из зала и подойдя к тому самому мужчине, который так пристально разглядывал Лиду с первого ряда.

У нее все оборвалось внутри. Она узнала его. Это был Аркадий Солодов, Светкин кавалер.

– Ну здравствуй, победительница! – сказал он ей и немного растерялся в присутствии посторонних. – Мы могли бы побеседовать наедине? – спросил он женщин, вопросительно взиравших на них.

– Да-да, конечно, – ответила член жюри, а Софья Натановна недовольно поджала губы.

Аркадий тем временем взял Лиду под локоть и отвел в сторону. Лида смотрела на него во все глаза.

– А ты изменилась, – сказал он ей. – Я даже тебя не сразу узнал.

– Не об этом должна идти речь. Ты знаешь, что случилось со Светиными родителями? – оборвала его Лида, грозно взирая на его довольную, слегка располневшую физиономию.

Он немного стусевался, но быстро взял себя в руки.

– Не пыли, – сказал он очень тихо и с расстановкой. – Я знаю гораздо больше, чем ты.

– Значит, это все-таки ты этот злосчастный Соломон Аркадьев. Это ты написал эту грязную статью! И Света после этого все еще с тобой? Или ее ты тоже куда-нибудь упек? – Лида говорила зло, хотя и очень тихо.

Ей совсем не хотелось, чтобы присутствующие здесь женщины слышали их разговор. Но они уже начали волноваться, так как понимали, что у корреспондента с Лидой далеко не дружеская беседа. Софья Натановна не выдержала и подошла к ним.

– У вас тут все в порядке? Такое впечатление со стороны, что вы ссоритесь, – сказала она. Аркадий слегка тронул ее за руку и ответил:

– Да нет, что вы! Мы беседуем. Лида очень эмоциональная девушка. Я бы хотел записать наш разговор поподробнее. Нам нужно где-то сесть в спокойной обстановке.

Их проводили в небольшой кабинет и наконец оставили одних. Софья Натановна, правда, слегка задержалась в дверях, но ее спутница уверенно вывела ее за собой и закрыла дверь. Аркадий выждал с полминуты и сказал:

– Итак, мы опять встретились. А ты молодец, Лидия! Пробылась-таки в люди. Я слышал, тебе здесь работу хотят предложить.

– Аркадий, где Света? Как у нее сложилась жизнь? Она родила кого-нибудь?

– Да. Дочка у нас. Вернее, у меня. Света уехала, сбежала от меня, а ребенка оставила.

Лида потеряла дар речи. Она не могла выговорить ни слова. Пауза затянулась. Аркадий опустил голову и тоже молчал. Первой заговорила Лида.

– Ну так объясни, что же все-таки случилось?

Но Аркадий рассказывать не стал.

– Я потом тебе все расскажу. Сейчас не время и не место.

Казалось, им больше не о чем было говорить. Лиде не хотелось находиться с Аркадием наедине. Ее до сих пор мучила почти забытая обида на него, своя, личная обида.

– Знаешь что, – сказала наконец она, – ты испортил жизнь моей бывшей подруге и разрушил ее семью. Ты негодяй! Я не хочу больше с тобой разговаривать.

Лида решительно встала и направилась было к выходу, но Аркадий ухватил ее за руку и сказал со своей обычной ухмылкой:

– Ишь ты! Как ты оперилась-то. Голосок повышаешь. Только это все бред и чушь собачья. Я никому жизнь не портил. Я дал Светке все, московскую прописку, деньги, шмотки. А она свинтила от меня с каким-то шведом. И ребенок ей не нужен, никто ей не нужен, понимаешь?

– Не понимаю. Так тебе и надо! Пусти, мне нужно идти. Надеюсь, интервью закончено.

Лида решительно вырвала свою руку и ушла. Но этот разговор не шел у нее из головы. До самого конца торжественного вечера она была молчалива, грустна, отвечала невпопад, и даже не слышала, как ее фамилию назвали в списке кандидаток на получение работы на фабрике. И только тогда, когда жаркая и возбужденная Софья Натановна накинулась на нее и стала обнимать и даже целовать, Лида наконец поняла, что она вытянула счастливый билет. После окончания училища она получает распределение на швейную фабрику имени Третьего Интернационала и переезжает в Москву. Нет, об этом она даже и не мечтала!

– А как же мама? Я не смогу ее одну оставить, – сказала Лида со слезами на глазах, но ее учительница обозвала ее мямлей и нюней и сказала, что эти частные вопросы будут решаться в рабочем порядке.

– Проблемы будешь разрешать по мере их поступления. Нечего раньше времени голову ломать. Да кому такое счастье выпадает, дуреха?

Лида согласилась с ней и подумала, что мама будет конечно же рада такому ее успеху и победе.

6. Ирочка

Следующий день был последним днем их пребывания в Москве. Завтра нужно было уезжать. С самого раннего утра Лиду подняла неумная Софья Натановна и заявила:

– Вставай, одевайся, пойдем по магазинам. Нечего дрыхнуть, проспишь все на свете.

– А почему по магазинам? Я в музей хотела бы сходить, в Мавзолей, в Третьяковскую галерею.

– Да в Мавзолей, милочка моя, с ночи надо очередь занимать. Да туда уже и не пускают, говорят. А музеи и галереи от тебя теперь никуда не денутся. Ты москвичка у нас почти.

– Ну а магазины и тем более. Чего я там не видела? Суета, толкотня, очереди. Нет, идите без меня.

– Ну и вредная же ты, Лидка! – сказала ей в сердцах Софья Натановна и стала собираться, обиженно надув губы.

Но Лида стояла на своем. Последний день в Москве ей хотелось провести так, чтобы он запомнился надолго. Ей все еще не верилось, что скоро, совсем скоро она переедет в этот город и будет в нем жить.

Софья Натановна ушла, не сказав Лиде больше ни слова. Лида стала собираться, она решила отправиться в Третьяковскую галерею, она столько о ней слышала, что не побывать там просто невозможно. В живописи она разбиралась плохо, но зато часами любила разглядывать глянцевые репродукции картин в журнале «Огонек», а две ее любимые картины «Всадница» Брюллова и «Неравный брак» Пукирева висели у нее в комнате на стене, вставленные в красивые овальные рамки.

Лида оделась тепло, так как погода была прохладная. Посмотрев на себя в зеркало, она решила, что выглядит она не очень. Пальто старое, сапоги просто старомодные, да еще эта детская шапка с помпоном на голове.

«Нет, это черте что. Пойду без шапки, не так уж и холодно», – подумала Лида и, сняв шапку, распустила волосы по плечам.

«Может еще мамины лаковые туфли надеть?» – опять подумала она и не смогла отказать себе в удовольствии.

– Ну вот, уже лучше, пальто можно расстегнуть, свитер теплый, не замерзну, – сказала она сама себе и довольная вышла на улицу.

Было и впрямь прохладно. Весна только-только просыпалась. Солнышко робко светило, снег, правда уже расчистили, но травка еще не позеленела. А в воздухе уже пахло весной, и от этого настроение было хорошим.

Лида не успела дойти до угла, как ее окликнули. Она остановилась, посмотрела назад и увидела Аркадия, несущегося к ней через дорогу.

– Подожди, чуть тебя не упустил. Куда ты? – сказал он ей на ходу.

– По делам, а что? Зачем я тебе опять понадобилась?

Лида рада была в глубине души, что сняла шапку и сапоги. В лаковых туфлях и с распущенными волосами она выглядела очень даже ничего, как ей казалось.

– Хочешь, я свожу тебя куда-нибудь? В Третьяковку хочешь? Ты была там уже?

Лида поразилась. «Мысли мои что ли читает?» – подумала она и ответила:

– Была, конечно, и не раз. «Зачем я вру?» – спрашивал внутренний голос.

– Ну тогда пойдем просто погуляем. Заодно ты сделаешь свои дела и поговорим.

– Да не о чем нам с тобой разговаривать!

Лида попыталась повернуться и уйти, но ей это не удалось. Аркадий настойчиво взял ее за руку и сказал:

– Мы можем обсудить мою статью например. Я написал о вашем конкурсе, уже одобрили, завтра будет в печати. Там и о тебе говорится, да в основном о тебе.

Нельзя сказать, что Лиду это не заинтересовало, но все же она сказала с прохладцей:

– Интересно, что же ты там обо мне расписал? Провинциалка, приехала в столицу и вот нате вам, победила в конкурсе, теперь переедет в Москву. Ты думаешь, это кому-то интересно?

– А ты злая, Лидия. Или просто вредная.

Лиде разговаривать больше не хотелось. Вернее, она понимала, что не может по-дружески разговаривать с этим человеком, а с другой стороны ей не хотелось, чтобы он сейчас вдруг повернулся и ушел. Она замечала взгляды прохожих, немного завистливые взгляды молодых женщин, и ей было приятно от сознания того, что они считают Аркадия ее мужчиной.

– А знаешь что, – вдруг сказал Аркадий, – давай я свожу тебя в одно место и познакомлю кое-с-кем.

– Нет, сначала в Третьяковку, – ответила Лида и покраснела.

Аркадий потер ладони и сказал:

– Ну тогда вперед!

Выстояв получасовую очередь, они попали наконец внутрь, ужасно продрогшие и уставшие. Но в теплых залах, полных шедевров и замечательных картин, многие из которых Лидия видела впервые в жизни, они быстро пришли в себя и стали наслаждаться искусством. Аркадий очень много знал и рассказывал Лидии и о художниках, и о сюжетах картин, и об их особенностях. Всего Лида запомнить была не в состоянии, но кое-что врезалось ей в память навсегда.

После посещения галереи Аркадий завел ее в кафе, где они пообедали. Лида поблагодарила его за экскурсию и за обед, за который он по-джентльменски заплатил и спросила, куда еще он хотел ее сводить.

– Только учти пожалуйста, ни в какое уединенное место я с тобой не пойду! – заявила вдруг она и залилась краской.

Она все еще очень отчетливо помнила их последнюю встречу, когда он обманом завел ее в какой-то дом и там надругался над ней, как она это про себя называла. Аркадий от ее слов вдруг громко расхохотался и ответил:

– В уединенные места я вожу других женщин. Ты для них не подходишь.

– Тогда куда ты меня хочешь повести? Зачем я тебе?

– В двух словах не скажешь. Поехали, а то поздно будет.

На улице Аркадий взял такси и назвал адрес, который Лиде ни о чем не говорил. Она уже пожалела, что была в туфлях и без головного убора. К вечеру явно похолодало, и девушка дрожала, как осиновый лист. Минут через двадцать они подъехали к небольшому красивому зданию, которое находилось за решетчатой с вензелями оградой и летом, по-видимому, утопало в зелени. При входе красовалась табличка, из которой следовало, что это круглосуточные ясли №275, и у них даже было название «Яблочко».

Они зашли внутрь и сразу же запахло то ли больницей, то ли хлоркой, но тем не менее было очень чисто, светло и уютно. За столом сидела женщина в белом халате, с которой Аркадий вежливо поздоровался. Они о чем-то переговорили, и женщина ушла.

– Сядь пока, подождем немного, – сказал Лиде Аркадий, и она села на стул, уже прекрасно понимая, зачем они пришли сюда.

Прошло совсем немного времени, и женщина вернулась, но не одна. Она вела за ручку маленькую прелестную девочку в розовом фланелевом платьице и белом фартучке. У девочки были огромные голубые глаза и блестящие темные волосики, в которых красовался розовый в белый горошек бант.

– Доченька моя, – сказал Аркадий и взял девочку на руки. – Вот, познакомьтесь. Это тетя Лида, а это Ирочка.

Девочка улыбнулась и опустила головку, теребя пушистый шарф на шее у отца. Лида смотрела на нее во все глаза и видела, как она похожа на Светку.

Женщина в белом халате проводила их в игровую комнату и сказала:

– Вы можете поиграть с Ирочкой до ужина. У вас есть минут сорок.

Пока девочка играла, сидя на ковре, Аркадий с Лидой, устроившись на маленьких детских стульчиках, повели беседу.

– Вот, теперь ты видишь, с чем оставила меня твоя подруга.

– Как же так, я ничего не понимаю. Неужели Светка могла бросить свою дочь на произвол судьбы? – взволнованно говорила Лида, но ее слова явно не понравились Аркадию.

– Ну почему же на произвол судьбы? Она бросила ее на меня. Сказала, что заберет потом, но это уж дудки. Так я ей и отдал Ирку. Ни за что!

– А ты думаешь, ей в круглосутке лучше, чем с родной матерью? – не сдавалась Лида.

– Ну в круглосутке она временно, пока я не найду себе подходящую жену. Как только обзаведусь семьей, сразу же заберу Иру домой. А пока я не могу. У меня такая работа, что я и днем и ночью занят, как проклятый. Даже на выходные порой не получается взять ее. Но тут, как в санатории. Уход хороший, условия, нянечки. Сама видишь.

– Да вижу. Только ребенку не нянечки нужны, а родители. Нет, это ужасно. Как так получилось, что Светка сбежала, расскажи мне.

И Аркадий поведал ей историю, которая в очередной раз потрясла наивную и не искусную в человеческой подлости Лиду.

Оказывается, по словам Аркадия, Светка сама просила его увезти ее из надоевшей ей провинции. Когда она осознала, что беременна, то и совсем не отставала от Аркадия. Он проговорился ей как-то, что наконец решается вопрос о его переезде назад в Москву.

– Мне кажется, она и беременность-то эту специально подгадала, чтобы потом меня шантажировать, – зло сказал Аркадий.

– Да брось ты, строишь из себя жертву. Ты намного старше Светки и должен был соображать, что ты делаешь.

– Ну не так уж и много. Мне самому всего лишь двадцать пять, а я вот уже одинокий отец. Оно мне надо, как говорится!

– Ну а потом что? Родилась Ирочка, и что?

– Родилась Ирочка в декабре, и Света сразу же изменилась. Стала куда-то уходить, говорила, что работу ищет. По театрам бегала, хотела устроиться куда-нибудь. Ну а куда ее возьмут без образования? Я говорил, подожди до весны, попробуешь поступить куда-нибудь, позанимайся пока, предлагал ей даже репетитора какого-нибудь подыскать. Но она все равно рыскала по Москве в надежде найти место.

– Ну не нашла, я так понимаю, а дальше что? – Лиде все это было понятно, это было так похоже на настойчивую своенравную Светку.

Но Аркадий ее удивил.

– А вот нашла, представь себе! Только не в Москве. Прочитала где-то, что в Ленинграде Петр Тодоровский собирается «Интердевочку» снимать, ну и написала ему. Пачку фотографий послала. Да я еще с дуру тоже кое-какие связи подключил, ну и пригласили ее на пробу. Она укатила, Ирке еще и полгода не исполнилось.

Лида слушала Аркадия и не верила своим ушам. Фильм «Интердевочка» она уже видела, столько шума из-за него было! Лида вся переплевалась, до чего он ей не понравился, мерзкий какой-то и противный.

– И что, Светка там снималась?! – буквально возмутилась Лида.

– Ну, снималась – это громко сказано. В массовках где-то там мелькала за три рубля в час, условно говоря. Но я ее так и не разглядел. Ну и домой она больше не вернулась. Познакоми-

лась там на съемках с каким-то шведом и была такова, как говорится. Взяла сюжет фильма на вооружение.

Ирочке, видимо, надоело играть одной. Она подошла к отцу и потянула его за руку.

– Ах ты, моя хорошая, – нежно проговорил Аркадий и, сев на пол, стал помогать дочери укладывать разноцветные кубики в коробку.

Лида была потрясена известием до глубины души. Ей не верилось в то, что Светка Ушакова была способна на такое, но с другой стороны, зачем Аркадию врать? Скорее всего, он говорит правду, тогда выходит, что ее бывшая подруга просто предательница.

Вскоре за Ирочкой пришли. Она принялась было плакать, но женщина взяла ее на руки и успокоила. Аркадий нежно поцеловал дочку в лобик, и они с Лидой ушли.

– Ну вот, теперь ты все знаешь. Больше добавить нечего.

– Так вы развелись со Светой уже? И где она сейчас? – спросила Лида.

– А мы и не расписывались. Не до этого как-то было. Сначала ждали, когда ей восемнадцать исполнится, потом, когда родит, ну а потом... потом ты знаешь. А где она сейчас, я без понятия. Швед этот наверное ее к себе увез, она из Питера так больше и не вернулась к нам, хотя расписывались они здесь, в Москве. Она тогда только позвонила мне и сообщила об этом, но даже не попрощалась по-человечески.

Лида пришла в общежитие совершенно потрясенная, уставшая, голодная и первым делом соорудила себе нехитрый ужин: пару бутербродов, бутылку кефира и чай. Софья Натановна, вернувшаяся с покупками чуть позже Лиды, стала демонстрировать ей все, что она умудрилась притащить в четырех огромных сумках. Лида ее рассказы об очередях, плохом обслуживании и высоких ценах не слушала, она думала о своем.

«Господи, что же теперь будет с этой девочкой? Разве Аркадий сможет вырастить ее как положено? Эта круглосутка, редкие визиты папаша... бедный ребенок! Он-то чем виноват?»

С Софьей Натановной Лида своими мыслями не делилась, а та все время отвлекала ее, то кофточку покажет, то бюстгальтер, то перчатки. Лида только кивала головой и повторяла одно и то же:

– Классно, здорово, прелесть просто... – и все в таком духе.

Наконец демонстрация окончилась и можно было ложиться спать. Завтра вставать рано и на поезд.

«Не опоздать бы», – подумала Лида и провалилась в глубокий сон.

***

Наконец настали долгожданные дни. Лида благополучно закончила училище и собиралась переезжать в Москву. Ее ждала там совершенно новая жизнь. Комната в общежитии, прописка – все было обеспечено, и сейчас Лида носилась по различным инстанциям, что бы выписаться со своего адреса, получить необходимые бумаги и документы, а потом уже собираться в дорогу. К работе она должна была приступить с первого августа, и на все про все у нее был лишь один месяц. Мама нервничала и волновалась, как всегда. Ей не хотелось отпускать от себя дочь и оставаться одной, но Лида ничего не хотела даже слушать.

– Мама, я в Москву еду, понимаешь? В Москву! Я тебя потом заберу. Дай мне обустроиться там самой, потом и ты переберешься со временем, – говорила она маме, но та устало махала рукой и отвечала:

– Еще чего! Ни за что! Чего я там не видела, в этой Москве? Большая деревня. Мне и здесь хорошо.

Лида только укоризненно качала головой и пожимала плечами.

– С тобой бесполезно разговаривать. Ты как упрешься, так тебя с места не сдвинешь. Но я не могу всю жизнь просидеть около тебя.

Так они спорили до бесконечности, но каждый знал, что ничего не добьется. И Лида, и Полина Васильевна понимали, что Лида права, что надо ехать в Москву и там устраивать свою жизнь, но мать просто боялась потерять дочь, а от этого и все конфликты.

Но вот он и наступил, долгожданный день отъезда. Лида боялась, что мать будет рыдать, останавливать ее и угрожать ужасами столичной жизни, но она, как ни странно, молчала. Проверила в последний раз ее чемодан, спросила про деньги и паспорт, все ли на месте и в сохранности и наконец благословила.

– Ладно, езжай, непутевая. Дай бог, вернешься через полгода. Одной-то там не сладко будет. Тут хоть мать когда поругает, когда пожалеет, а там все самой придется на своих плечах выносить. Не надорвись.

Лида молча поцеловала мать, погладила ее по волосам и со словами «Все будет в порядке» вошла в свой вагон. Вскоре поезд тронулся, и она уехала.

Всю дорогу Лида думала о том, что ей предстоит в Москве. Работа, житье в общежитии – это одна сторона, а вот Аркадий Солодов со своей Ирочкой – это уже совсем другое дело, тут она видела проблемы. Дело в том, что Аркадий так и не отставал от Лиды. Он постоянно звонил ей, вызывал на переговоры, так как телефона у них с мамой не было. Получая телеграммы с вызовом на почту Лида все время врала матери, что это ее с фабрики приглашают, пообсуждать разные детали ее переезда. Мать недоумевала, сколько ж можно обсуждать детали? Что она за важная персона такая, что ей в неделю по звонку делают.

– Мама, ну это они просто хотят убедиться лишний раз, что я не передумала, а то знаешь, сколько желающих на это место? Сотни!

Аркадий ждал Лиду. Это было понятно в каждом его разговоре, в каждом звонке. Он убедительно просил ее помочь ему с Ирочкой.

– Знаешь, я и сам понимаю, что девочке дома будет лучше, чем в яслях. Я ей няню подыскиваю. А ты ведь сможешь, чего тебе стоит? – спрашивал он.

– Аркадий, я работать еду на фабрику и няней становиться не собираюсь.

– Ну и работай себе на здоровье. Но в ясли отводить и из яслей после работы забирать ты ведь сможешь? Я буду тебе платить за это. И жить можешь у меня, квартира огромная, места всем хватит.

Лиду эти разговоры будоражили и волновали. Она не представляла себе, как она будет жить с Аркадием в одной квартире и как будет успевать и в ясли, и на работу.

– Успеешь, тут не так далеко, – говорил он ей, но Лида не верила.

«Зачем мне все эти проблемы?» – думала она, но что-то все равно удерживало ее от того, чтобы решительно отказать Аркадию.

Лида не знала, что именно, но она понимала только одно, ей было приятно, что Аркадий уговаривает ее. Когда-то о таком мужчине, как он рядом с собой она и мечтать не могла. А сейчас? Вот он, навязывается ей, даже жить вместе приглашает. Ну это конечно не то, что он будет ей близким человеком, но все же она будет играть не последнюю роль в его жизни.

Лида очень сильно переживала по этом поводу, но все же сначала она хотела наладить свою работу и быт, а потом уж подумать о том, помочь Аркадию с Ирочкой или нет. Жить в его квартире ей представлялось совсем невозможным, и об этом она даже и задумываться не хотела. И все мысли о помощи ему сводились только к Ирочке, которой, как считала Лида, было плохо в круглосутке без материнской любви и отцовской заботы. Но где-то там, глубоко в душе, у нее все же таилась какая-то мало ей понятная мысль о том, что помогая этой маленькой девочке, она, Лида, получит что-то взамен, что-то такое, что непременно сделает ее очень счастливой!

«Любовью за любовь...» – мелькнула в ее голове фраза, когда-то услышанная в одном из индийских фильмов, и Лида спокойно заснула под монотонный стук вагонных колес, лежа на верхней полке поезда, везущего ее в новую жизнь, туда, где ее ждала полная неизвестность.

7. Москва, москвичи и москвички

Как и обещала, Лидия сразу же позвонила Аркадию по приезду в Москву. Он, казалось, очень обрадовался и тут же стал приглашать ее к себе.

– Нет, не сейчас. Дай мне немного в себя прийти, – говорила она ему. – Я только что устроилась на новом месте, работаю целый день, занимаюсь по вечерам.

Аркадий нетерпеливо ждал. Он регулярно звонил Лиде в общежитие, и коменданты уже узнавали его по голосу. А в конце лета он пришел к ней сам с серьезной просьбой.

– Ты знаешь, мне в командировку надо съездить. Всего на пару недель. Ты неходишь к Ирочке? Раз в неделю, больше не надо.

И у Лиды вдруг что-то всколыхнулось внутри.

– А давай я заберу ее совсем на эти две недели? Ну то есть я буду ее водить в ясли каждый день, а вечером забирать. Надо же ей хоть немного дома пожить. И за квартирой твоей присмотрю заодно. Хочешь?

Аркадий чуть не подпрыгнул от радости.

– Лида, ты просто золото! Конечно, хочу! Я денег тебе оставлю. Будешь полной хозяйкой.

Он смотрел на нее таким благодарным взглядом, что Лида покраснела и проговорила тихо:

– Да ладно тебе, не ахти и услуга. Просто мне жалко девочку, как сирота растет, при живых-то родителях.

– Прекрати, Лидия! – вдруг зло сказал Аркадий. – Ты прекрасно знаешь, почему так все идет. И бьешь по больному месту.

Но Лиду его тон не смутил. Она смотрела на Аркадия в упор, давая ему понять, что все равно осуждает его.

Через неделю Лида перебралась в квартиру Солодова. Он опять сводил ее в ясли, представил там как тетю Ирочки и написал письменное разрешение, которое давало право Лидии Щепкиной ежедневно забирать Ирину из яслей.

Аркадий уехал, и Лида первым делом произвела в доме генеральную уборку. Была пятница, она взяла отгул, и ей предстояли первые выходные вдвоем с Ирой. Лида, конечно же, волновалась. Она сходила в магазин, накупила фруктов, соков, молока. Остальное в доме было. Холодильник был забит продуктами. Аркадий постарался перед отъездом.

В шесть часов вечера Лида пришла в ясли. Когда привели Иру, она долго смотрела на Лиду, потом подошла к ней и взяла за руку. Говорить она еще не умела, а Лида и не знала, что нужно говорить в таких случаях.

– Ну что, пошли домой? – сказала она и вывела девочку из яслей.

Маленькая теплая ладошка покоилась в ее руке. Лида с Ирой шла очень медленно, та послушно следовала за ней, не вырывалась, не убегала, и Лиде казалось, что все дети так всегда себя и ведут.

Дома они покушали. Сваренная Лидой манная каша явно понравилась девочке, так как она с аппетитом съела две тарелки. Лида натерла ей яблоко на терке, как учил ее Аркадий и напоследок дала сладкий вишневый йогурт. В маленькую пластмассовую кружечку она налила теплой водички, и девочка самостоятельно выпила ее.

Потом они играли на ковре, строили пирамиду из диванных подушек. Ирочка взбиралась на самый верх, спрыгивала и громко смеялась. Лиде нравилось заниматься с ней. Девочка не капризничала, во всем ее слушалась и пыталась даже что-то сказать, с выражением произнося какие-то непонятные слова и фразы.

Два дня пролетели незаметно. В воскресенье утром звонил Аркадий из командировки. Он еще и еще раз благодарил Лиду за помощь.

– Ладно, сочтемся. Работай там себе и ни о чем не беспокойся.

Вечером Лида искупала Иру в ванной, приготовила ей все для яслей и уложила спать. Было еще рано, около девяти, и за окном еще не совсем стемнело. Она тихонечко включила телевизор и решила больше ничего не делать. Завтра опять на работу, нужно отдохнуть. И тут позвонили в дверь.

«Это еще кто?» – подумала Лида и вышла в коридор.

Она еще не решила, открывать или нет, как услышала, что в замочной скважине проворачивается ключ. Безумно испугавшись, она отскочила в сторону и стала ждать. Наконец дверь открылась, и в прихожую вошла молодая женщина, высокая, очень хорошо одетая в белый брючный костюм и алую шелковую блузку, с длинными, почти до пояса черными волосами. Она вошла, увидела Лиду и изумленно воззрилась на нее.

– Здравствуй, – тихо сказала Лида, но та не удостоила ее приветствием.

– Аркадий дома, я надеюсь? – надменно проговорила она.

– Нет, он в отъезде. А вы кто?

Женщина посмотрела на Лиду пренебрежительным взглядом и молча прошла в комнату.

– Ты дома, Аркадий? – громко позвала она.

– Не кричите, здесь ребенок спит. Я же вам сказала, Аркадий в отъезде.

Черноволосая красавица и не подумала что-либо ответить Лиде, она направилась к серванту, открыла шкафчик и достала оттуда бутылку шампанского. Положив ее в большой полиэтиленовый пакет, она подошла к телефону и набрала номер.

– Привет, Ник. Я от Соломона звоню, его нет. Тут прислуга, говорит, что он уехал. Я подъеду сейчас, я на машине. Пока.

Женщина положила трубку, затем бесцеремонно сходила в туалет и ушла. На Лиду она так больше и не взглянула, и не сказала ей ни слова.

Лида как стояла в прихожей, так и не сдвинулась с места. Только когда за незнакомкой захлопнулась дверь, она вдруг подбежала и накинула цепочку.

«Этого еще только не хватало! Явление!» – подумала Лида и решила больше никого в квартиру не пускать ни под каким видом.

Две недели пролетели довольно быстро. За это время Лида освоилась и справлялась со своими обязанностями вполне легко, хотя и уставала немного. К вечеру ноги гудели, много приходилось бегать, чтобы везде успеть.

Аркадий регулярно звонил и справлялся, как они там. Лида не удержалась и рассказала ему о визите странной дамы и подробно описала ее.

– Это Виолета, – сказал он. – Извини, я забыл тебя предупредить, что у нее есть ключ.

Лиде очень хотелось узнать, кто она такая, эта Виолета и почему у нее ключ, но сдержалась. В конце концов это не ее дело. «Потом спрошу», – решила она.

Накануне возвращения Аркадия Лидия снова вычистила квартиру до блеска, испекла пирог с мясом и капустой и незатейливый торт. Сварила борщ. Она выстирала и выгладила все Ирочкины вещи, и когда Аркадий приехал, он был просто восхищен.

– А ты хозяйка, что надо! Лидка, да тебе цены нет. Зачем тебе эта швейная фабрика, наймись к какому-нибудь богатенькому профессору в домохозяйки. Знаешь, как они платят? Ого-го! И жить будешь шикарно, и есть-пить все самое лучшее, и денег будет вагон.

Но Лиду почему-то обидели его слова.

– Знаешь, у меня хватит ума на большее. А свое умение домохозяйничать я лучше приберегу для какого-нибудь достойного мужчины. Профессор обойдется.

– Да ладно, не дуйся. Это же я так просто сказал. Лида, спасибо тебе, честное слово, я не знаю, как я рад!

Наевшись от души и отдохнув немного, Аркадий собрал Ирочку и отправился с ней гулять. Лиду он не пригласил, и она стала собираться к себе в общежитие. Они были уже почти на выходе, как вдруг заявила Виолета.

– А, вернулся, ну привет, Аркаша! Чего же это ты не попрощавшись улетел? Боялся, что на хвост сяду? Ты же меня знаешь, я девушка ненавязчивая.

Аркадий чмокнул Виолету в щеку и сказал:

– Не заводись, улетел, значит так нужно было. Мы уходим, кстати. Извини.

Виолета передернула плечами, криво усмехнулась и нагло заявила:

– Ну и уходите. Я хоть отдохну в тишине. Ты Ирку в ясли поведешь?

– Какие ясли? Сегодня воскресенье, опомнись! И вообще, хватит из себя строить хозяйку положения. Мы пошли гулять, вернемся вечером, может быть даже после твоего ухода.

– Не знаю, не уверена, – заявила девица, явно не желая понимать данного ей намека.

Она скинула с себя легкую курточку, вытащила откуда-то домашние тапочки, красивые, на каблучках и с розовым пухом, надела их на ноги и сладко потянулась.

– Ой, Аркашка, как я устала! А эта у тебя все время живет или приходящая? – спросила она, кивнув в сторону Лиды.

– Это Лида, моя старая приятельница, между прочим.

Аркадий сказал это твердым голосом, призывая таким образом Виолету относиться к Лиде уважительно. Но та состроила гримасу и спросила:

– Что?! Какая еще приятельница? Я всех твоих приятельниц и неприятельниц знаю, как облупленных. Не морочь мне башку. Тоже мне, нашел, чем похвастаться.

Сказав это, она вальяжно развернулась и ушла в комнату, закрыв за собой дверь. Лида взяла Ирочку на руки и быстро вышла из квартиры. Она спускалась с девочкой по лестнице, и ей хотелось рыдать. Она ненавидела эту надменную раскрашенную девицу и презирала Аркадия за то, что он общается с такими, как она.

Он догнал их уже во дворе.

– Я надеюсь, ты не приняла близко к сердцу Виолетины выходки? Она стерва еще та, но надо научиться не обращать на нее внимания.

– Мне наплевать на твою Виолету! На, забирай ребенка, мне пора. Моя миссия окончена, я надеюсь?

Лида буквально сунула Ирочку в руки Аркадия, она понимала, что ребенок не виноват, но она еле сдерживала себя. Ей так хотелось разреветься от обиды и унижения, что было уже не до любезностей. Наскоро чмокнув девочку в щечку, Лида собралась было убежать, но Аркадий остановил ее.

– Да подожди ты, ненормальная! Что случилось-то?

– Ничего не случилось, мне идти надо.

С этими словами Лида повернулась и буквально побежала прочь. Слезы душили ее, она ощущала свою второсортность, она поняла, что карабкается не в свой круг, лезет не на свою орбиту, и все эти Аркадии и Виолеты всегда будут видеть в ней, нечто такое, что ниже их достоинства и высоко достигнутых планок. Мартышку, одним словом.

«А почему? Только потому, что я некрасивая? Или потому, что я из простого сословия? А чем я хуже их? Ну конечно, университеты, дипломы, столичные штучки. А я что? Провинциалка, лимитчица, в дешевых шмотках и с золотым сердцем? Да наплевать им на мое сердце! Вот и пусть клубятся себе, как в змеевнике, детей бросают, из кожи лезут. Все равно ведь счастливыми никогда не будут!»

Лида размышляла так, уже немного успокоившись, сидя в вагоне метро с грустным видом, подавленная и уставшая.

– Девушка, можно с вами рядом сесть? Тут не занято? – услышала она вдруг приятный мужской голос.

– Не занято, садитесь конечно, – ответила Лида и слегка подвинулась.

Рядом с ней сел высокий бородач в потертой джинсовой куртке и с большой спортивной сумкой. Он посмотрел на Лидин профиль и сказал:

– У вас неприятности? Вы такая грустная, может быть я могу вам чем-нибудь помочь?

– С чего это вы взяли? Совсем даже нет. Я просто устала немного, но помощь мне не нужна, спасибо.

– Вот и прекрасно. Я за вами давно наблюдаю, вы только не обижайтесь.

Лида слегка оторопела, действительно, она сидит с таким понурым видом и даже не задумалась о том, что вокруг люди, они смотрят на нее, и вот, даже спрашивают, что это с ней. Лида приосанилась, слегка приподняла голову, всем своим видом давая понять, что она в полном порядке.

Мужчина немного помолчал, а потом вдруг спросил:

– Простите, а как вас зовут? Вы далеко едете?

«Что за вопросы такие? Какое ему дело, куда я еду?» – промелькнуло у нее в голове, но она все же ответила:

– Лида меня зовут. Я еду домой.

– Очень приятно, Лида. А я Григорий, будем знакомы?

И он протянул ей руку. Она слегка пожала ее, и кивнула головой в знак согласия. Как вести себя в подобных случаях, Лида, честно говоря, не знала. Знакомиться вот так с посторонними мужчинами ей еще не приходилось, но она почему-то совсем не боялась этого Григория, только испытывала некоторую неловкость. Надо бы улыбнуться, но у нее не получалось, надо бы что-то сказать, но что? Что она выиграла в конкурсе и вот переехала жить в Москву? Так он ее об этом не спрашивает. И Лида молчала.

Так молча проехали еще пару остановок.

– Лида, давайте завтра встретимся с вами? – вдруг сказал ей мужчина, и у нее сильно забило сердце.

Ей казалось даже, что Григорий может слышать его стук. Она как бы закашлялась немного, потом облизала губы, неопределенно пожала плечами и тихо спросила:

– Зачем?

– Погуляем просто. Я хочу немного поднять вам настроение. Вы не против?

– Не против, – опять очень тихо сказала Лида, – только я работаю завтра и освобожусь уже вечером.

– Вот и прекрасно. Вечером я вас буду ждать у метро. Какая станция вам больше всего подходит? И во сколько? – опять спросил Григорий.

Лида подумала немного и решила свою станцию ему не называть, так, на всякий случай.

– Я приеду на Маяковскую часам к восьми, – сказала она и почувствовала, как покраснела.

К ее радости Григорий не стал предлагать ей проводить до дома, Лиде совершенно не хотелось, чтобы он узнал, где она живет. Лида проявляла осторожность, она боялась незнакомых мужчин, и хотя Григорий ей особого страха не внушал, а скорее даже наоборот, она испытывала к нему доверие, все же не хотела такого близкого знакомства сразу.

На следующий день она буквально порхала, все в цеху заметили ее приподнятое настроение.

– Ты что, Лидия, влюбилась что ли? Чего такая развеселая? – спрашивали ее девушки, но она отмалчивалась.

На самом деле на душе у нее было не совсем хорошо. Она никак не могла забыть вчерашней обиды. На Виолету ей действительно было наплевать, а вот на Аркадия она была в обиде за то, что он не защитил ее как следует от возмутительных реплик этой хамки.

«Да и вообще, зачем он мне сдался, этот Аркадий?» – спрашивала себя Лида. – «В конце концов он так подло поступил со Светкиным отцом, хотел стать его зятем, а сам накатал такую ужасную статью! Да как он мог? И знакомых женщин таких имеет, как эта ужасная Виолета!»

Лида никак не могла привести свои мысли в порядок. Ей хотелось выкинуть Аркадия из головы совсем, навсегда! Но у нее это не получалось. Она чувствовала какую-то необъяснимую тягу к нему. Ей хотелось быть нужной, нет, даже более того, необходимой ему! Лидия мучилась от противоречий в ее душе, но хорошим подспорьем для их разрешения была вечерняя встреча с Григорием. Она ожидала от этой встречи чего-то хорошего, ей понравился этот совсем незнакомый ей мужчина.

«Ладно, будь, что будет. Вот с ним встречусь, посмотрю что к чему», – размышляла Лида и продумывала, что она наденет на свидание. В итоге она остановила свой выбор на белой парусиновой юбке и розовой трикотажной кофточке. Когда Лида приехала на Маяковскую, она растерялась. Толчея, народ спешит куда-то, выходов несколько. Лида огляделась, Григория не видно. Куда же идти? Вышла на улицу и стала смотреть по сторонам.

– Лида! – услышала она громкий голос своего нового знакомого.

Он стоял на противоположной стороне улицы и махал ей рукой. Лида поспешила ему навстречу и, подойдя, сказала облегченно:

– Ой, ну здравствуйте! А то я уж и не знала, где вас искать. Мы ведь толком не договорились, у какого выхода встретимся.

– А отсюда все выходы просматриваются, поэтому я тут и ждал вас. Погуляем? Погода такая чудесная!

Лида согласно кивнула, и они неторопясь пошли по улице Горького.

– Скажите, Лида, вы в Москве недавно? – спросил Григорий.

– А что, это сразу заметно.

– Да! Вы даже не представляете себе, как это заметно! Вы такая естественная, ваш взгляд, ваша улыбка, ваши манеры – все это говорит о том, что вас совсем еще не испортила столичная жизнь.

– А почему она должна меня испортить? Я считала наоборот, в Москве люди преобразуются, становятся более современными, свободными. Конечно, у них и манеры другие и одеваются они по-другому. Даже ходят! Посмотрите, как девушка идет впереди нас. Красиво, на высоченных каблуках, а как будто босиком, легко и свободно.

– Да, но эта девушка скорее всего не видит никого вокруг. Вокруг нее кокон неприступности. И таким холодом от нее веет, как из могилы.

– Мне кажется, вы преувеличиваете. Хотите, я спрошу у нее, сколько времени, или как пройти на Красную Площадь? Я уверена, что она ответит мне нормально, как это сделала бы я.

Григорий и опомниться не успел, как Лида вырвалась вперед и догнала впереди идущую стройную девушку.

– Извините, – сказала она, – как мне пройти к гостинице «Россия», не подскажете?

Девушка слегка замедлила шаг, посмотрела на Лиду через плечо и холодно ответила:

– Такси возьмите, объяснять слишком долго.

Григорий захохотал, а Лида сконфуженно сказала ему:

– И ничего смешного. Все правильно, такси! Это столица. Об этом я и говорю, другие люди, и понятия у них другие.

– И часто ты проводишь такие эксперименты? – спросил у Лиды Григорий.

Она отрицательно покачала головой и сказала, что в первый раз. Потом она рассказала ему о себе все, как приехала в столицу, как победила на конкурсе и получила работу на швейной фабрике.

– Вот это здорово! Молодец, Лидочка. Значит, ты мастерица. Ну что ж, я восхищен, – сказал радостный Григорий.

Лиде было приятно, что Григорий так ее хвалил, а еще более приятно ей было то, что он ласково назвал ее Лидочкой. Так ее даже мама не называла почти никогда. Разве что в день рождения, да и то, больше Лидухой. А «Лидочка» прозвучало в ее ушах так нежно, что ей показалось даже, что это было сказано не ей. Лида надолго замолчала, она тихо улыбалась, и ей захотелось взять Григория под руку, но она не решалась.

Уже совсем стемнело и стало прохладно. Григорий завел Лиду в маленькое кафе, они сидели за уютным круглым столиком и пили лимонад. В вазочке лежали пирожные, но Лида их не ела, хотя ей очень хотелось. Она попросту боялась измазаться кремом и воздерживалась от соблазна. Так они и остались нетронутыми, когда Лида с Григорием покинула кафе. О себе он почти ничего не рассказывал, все расспрашивал ее, и девушка говорила без умолку.

– Ты хочешь, чтобы я проводил тебя домой? – спросил Лиду ее новый знакомый, когда они стояли в метро и ждали поезда.

– Нет-нет, не надо! – поспешно сказала она. – Это далеко, да и потом я не боюсь, еще ведь не поздно.

– Хорошо, как скажешь. Лида, я уезжаю послезавтра дней на десять. Как мне тебя найти, когда я вернусь?

– А зачем? Вы хотите встречаться со мной?

Григорий улыбнулся и положил ей руку на плечо. Она была мягкая, теплая и совсем не тяжелая.

– Хочу, – сказал он и добавил: – у меня есть к тебе предложение. Мы могли бы его обсудить, когда я вернусь.

Тут только Лида внимательнее рассмотрела своего кавалера. Он был довольно высок, плечист. Лицо обыкновенное, не красавец, борода, густые волосы. Но было в нем что-то очень притягательное, скорее всего глаза. Они лучились и складывалось такое впечатление, что Григорий все время улыбается, хотя это было не так. Одним словом, он ей нравился внешне, но нравился не так, как Аркадий. Того красавца Лида как бы побаивалась внутри, у нее сердце замирало, когда он в упор разглядывал ее, а тут было совсем другое дело. Ей хотелось, чтобы Григорий смотрел на нее и улыбался своими карими добрыми глазами.

– Хорошо, – сказала она примирительно. – Когда вы возвращаетесь? Вы знаете точно?

Григорий знал, и они договорились, что встретятся на том же месте у метро в ближайшую субботу после его приезда.

– Только давайте днем, ходим куда-нибудь, погуляем подольше, – сказала Лида, и Григорий тут же согласился.

– Все, договорились. В два часа дня у Маяковской. Я буду ждать тебя, Лида.

– И я, – сказала счастливая девушка и запрыгнула в подошедший поезд.

8. Джоконда

На следующий день Лида опять пришла на работу в приподнятом настроении. Ей казалось, что все вокруг такие же счастливые, как она. Лида всем улыбалась и была настолько приветливой, что даже самые злоязычные работницы ее огромного цеха не судачили на ее счет.

Вообще говоря, Лида любила свою работу, и девушки, которые работали с ней в смене, ей нравились. Была у них, правда, одна парочка, Тамара и Алефтина – две подруги, которых все недолюбливали и даже побаивались. Называли их все по имени-отчеству, так как они были намного старше молоденьких мастериц, им было уже хорошо за тридцать, жизнь у обеих не сложилась, и были они потому суровыми, злыми на язык и охочими до замечаний и поруганий. Лиде тоже доставалось, больно уж шустря и «без мыла везде влезет», как утверждали они.

Но Лида не обижалась. Да, она любила пожаловаться появляющемуся в цеху иногда начальству на плохую наладку машин, из-за чего частые простои, на плохой раскрой или на неисправную шумоизоляцию в цеху, отчего после работы голова еще часа два гудом гудит. И как ни странно, к ее жалобам прислушивались и даже хвалили Лиду за проявление бдительности. Но Тамаре с Алефтиной это не нравилось.

– Ты бы, девонька, поумерила свой пыл. Тут таких, как ты, шустрых да умелых, хоть пруд пруди. Не высывайся, без тебя найдется, кому начальству о наших недостатках докладывать, – говорили они ей не раз.

– А что такого? Я же как лучше хочу. Вот вчера сколько мы простояли? Почти два часа, наладчиков этих ждали. А они с бадуна были, делали все кое-как, еще чуть не час провозились. Это что по-вашему, хорошо? – не сдавалась Лида.

– А тебе-то что?! У тебя повременная оплата, а не сдельная. Сиди себе тихонечко, не делай ничего. Все равно за отработанное время заплатят.

– У меня зарплата повременно-премиальная, между прочим. Перевыполню план, премию получу. А сидеть без дела я не привыкла! – огрызнулась Лида и наживала себе недоброжелателей.

Ее приятельница по работе, Оксана Снежко, советовала Лиде не ввязываться в дразги с «тетками», как они называли за глаза Тамару и Алефтину.

– Если они взъедятся на тебя, из цеха выживут. Переведут тебя в другую смену, а там одни бабки предпенсионного возраста работают. И будешь там с ними как вечная пионерка, подай-принеси. Оно тебе надо?

– Оксаночка, да я же как лучше хочу. И начальство меня слушает, вон даже бригадир похвалил позавчера. Молодец, говорит, Лидия, что бдительность проявляешь и не равнодушничает, как остальные.

Лида упорно продолжала проявлять эту самую бдительность и однажды была отмечена на профсоюзном собрании, как самая активная в коллективе. На этом же собрании Лидию Щепкину выдвинули возглавить вновь созданное в цеху звено самоуправления.

– Будешь Щепкина вести активную работу по выявлению всех простоев и недостатков у себя в бригаде, фиксировать их и ежедневно докладывать начальнику цеха на пятиминутке. А мы будем контролировать, какие недостатки уже устранены, а какие еще предстоит устранить. И за работниками будешь следить, выявлять так сказать непроизводительные потери рабочего времени. Болтовни у нас пустой еще много, перекуров всяких, хождений в туалет по полчаса. Это никуда не годится, – наставлял Лиду бригадир, но это ей было не совсем по душе.

– Это что же получается, я должна теперь следить за всеми и ябедничать? Да они меня возненавидят, Николай Кузьмич! Не буду я следить, кто на сколько в туалет ушел. Это уже слишком! Увольте...

– Минуточку, что значит, «слишком»? Основная цель вновь созданного звена самоуправления – это повышение производительности труда за счет внутренних, так сказать, ресурсов. Не можем мы больше допускать разгильдяйства. Вот ты и будешь за это ответственная. Тебе поручили, будь добра, исполняй!

Лида расстроилась. Одно дело за неполадками следить, это она пожалуйста, а другое – за работниками. Тамара с Алефтиной даже смотреть в ее сторону перестали. Но она решила про себя, что будет делать все осторожно и по-человечески. Ябедничать она не собирается, если кто-то нарушит дисциплину, будет разговаривать с ними, объяснять, просить, чтобы впредь не допускали нарушений, а то ей придется, мол, доложить.

Так она приступила к своим новым обязанностям и даже газету их бригада стала выпускать. Хорошую газету, доброжелательную. Писали в основном о положительном в их цеху, об успехах и достижениях. А о плохом тоже говорили, хотя и кратко, но наставительно. Не заигрывали с нарушителями, короче говоря. Называлась газета «Мы за неделю», и она имела огромный успех среди работниц, которые каждый понедельник уже ждали новый выпуск. Газету вывешивали в комнате отдыха на общее обозрение.

Однажды Лида поместила туда собственную статью под названием «Учитесь мастерству». Там она говорила о том, что им, молодым закройщицам и швеям-мотористкам необходимо постоянно совершенствовать свои знания и умения. Нельзя стоять на месте и успокаиваться на достигнутом.

«Есть же в нашем цеху настоящие мастера, Тамара Анатольевна Кузьмина, Ольга Захаровна Першина, Алефтина Петровна Ивакина. Давайте равняться на них! Стопроцентное качество при ежемесячном перевыполнении плана свидетельствует о высоком мастерстве этих замечательных работниц. А мы, молодые и только что оперившиеся, порой общего языка с ними найти не можем! Да нам учиться у них и учиться! Помогите нам советом и делом, уважаемые старшие подруги. Давайте работать сплоченным, дружным коллективом!»

Так от души написала в своей статье Лида, и Тамара с Алефтиной оттаяли.

– Ладно, Щепкина. Бог с тобой, активничай, раз уж горит у тебя в попе береста, что с тобой поделаешь. А мы решили, давай наставничество организуем, каждая из нас возьмет себе по три самых молодых и неопытных. Ты к кому пойдешь?

– Вот же змеи, и тут ужалили, мол ты, Лидка, одна из неопытных, – шепнула Лиде Оксана Снежко, но та только отмахнулась.

– Да ладно тебе, Оксана, а что, не так что ли? Конечно я неопытная. Но знаешь, лучше плохой мир, чем хорошая война. Я за сотрудничество.

И пошла к Алефтине. Нравилась ей чем-то эта гордячка, высокая, статная, только больно уж молчаливая. Часами от нее слова не услышишь.

Так сумела Лида завоевать прочное место и авторитет на работе. С ней считались, ее уважали, и думала она, что нашла свое место в жизни раз и навсегда.

Ее личная жизнь, то есть жизнь вне работы, тоже была довольно благополучной. Через десять дней, как и обещал, вернулся Григорий, и они встретились вновь. Лида ждала этой встречи с нетерпением. Во-первых, к моменту его приезда у нее на работе как раз происходили очень важные перемены, было о чем рассказать, а во-вторых, Лида просто хотела опять быть рядом с ним. В нем она чувствовала какую-то силу, защиту, опору. Лида еще не понимала, что за чувства ею овладели. С ее точки зрения это не была влюбленность. В глубине души Лида считала, что влюблена она все же в Аркадия, хотя даже самой себе боялась в этом признаться. Она помнила, как терялась и робела в его присутствии, помнила, как нравилось ей его лицо, руки, фигура. И еще она помнила их мимолетную близость, которую сначала приняла за оскорбление, а потом и сама не заметила, как стала жаждать вновь.

«Если бы он снова решил сделать то же самое, как бы я себя повела?» – думала Лида порой, и ей казалось уже, что она знала ответ. – «Я обняла бы его за шею, прижалась бы к нему всем телом и сказала бы: я твоя...»

Потом Лида конечно же ругала себя за эти мысли. Ей было стыдно за свою слабость и испорченность. Но проходило время, и она вновь и вновь представляла себя в его объятиях и ощущала всепоглощающее чувство мало понятного ей, трепещущего где-то глубоко внутри желания.

А Григорий, казалось, очень обрадовался их встрече.

– Ну здравствуй, Лидочка! Вот я и вернулся. Как ты? – спросил он, когда Лида буквально подбежала к нему.

Она не удержалась и чмокнула его щеку.

– Видишь, как я рада тебя видеть. Я в порядке, а ты? – сказала она, чуть-чуть запыхавшись.

Григорий ничего не ответил, он взял Лиду под руку, и они пошли вдоль по улице все тем же, знакомым им уже маршрутом. Лида болтала без умолку, ей хотелось рассказать Григорию все, и про работу, и про свои успехи и достижения, и про Аркадия даже, но мысли ее путались, перескакивали с одной на другую и в конце концов она остановила себя.

– Что это я все про себя да про себя. Расскажи, как ты съездил, где был, что видел. Мне все интересно! – сказала она Григорию в запале, но он только улыбнулся в ответ.

– Да нечего рассказывать, обычная деловая поездка. К родителям, правда, заехал на обратном пути. Старенькие они совсем, а от помощи отказываются. Мама плохо видит, отец плохо слышит, беда с ними.

– Да, жалко стариков. Их всегда жалко. Они такие беспомощные порой бывают. Как все же интересно жизнь устроена. Вот смотри, сначала родители выхаживают своих малышей, нянчатся с ними, растят, заботятся. А потом сами становятся как дети малые и им уже нужен уход и забота. Все повторяется. Только мы, взрослые дети, не нянчаемся со своими старыми, никому не нужными родителями. Некогда нам, у нас своя жизнь...

Лида погрустнела, произнесла свою трогательную речь, а Григорий слегка обнял ее за плечи.

– Такова философия жизни, Лидочка. Так она устроена, и мы ничего с этим поделать не можем.

– Григорий, ты хотел что-то обсудить со мной перед отъездом, помнишь? – спросила Лида, немного помолчав.

– Помню! – тут же ответил он. – Вот сейчас и обсудим. Но прежде я хотел бы рассказать о себе немного. Пойдем, посидим в кафе, кофе или чай попьем и поговорим. Согласна?

– Еще как согласна, особенно на чай! И даже пирожные есть буду, ни одного не оставлю, – сказала она и звонко рассмеялась.

– Хорошо мне с тобой, Лида. Ты веселая такая, естественная, хорошая, – сказал ей вдруг Григорий, когда они уселись за столик и сделали заказ.

– А что, у тебя был плохой опыт? Тебе всегда попадались грустные, искусственные и плохие девушки?

Теперь рассмеялся Григорий, правда рассмеялся он невесело, устало как-то.

– Да нет, не то, чтобы... Но ты особенная. Ты воплощаешь в моем сознании некий образ, который придумал не я, но который я безгранично люблю, боготворю. Этот образ – мой идеал, и до селе, мне казалось, недостижимый.

– Ой, вы меня пугаете. Я боюсь, что вы ошибаетесь, Григорий. Ну какой же я идеал? Некрасивая, необразованная простушка, провинциалка. Да я...

Лида не договорила. Григорий положил свою мягкую, теплую ладонь на ее маленькую руку, которая теребила бумажную салфетку, и тихо сказал:

– Никогда не говори так о себе. Во-первых, это не так. А во-вторых, Лидочка, каждый человек, особенно женщина, должен очень любить себя и уважать, как личность. А в-третьих, почему это вдруг на «вы»? Ни с того, ни с сего, мы так не договаривались.

Девушка смутилась, покраснела и, высвободив свою руку, сказала ему в ответ:

– Да, ты наверное прав. У меня очень низкая самооценка, но... понимаешь, окружающие меня люди, и мужчины, и женщины, они порой так нелестно отзываются обо мне, что я... что мне... ну в общем кажется, что... Да ладно, бог с ним. Извини, дурацкие комплексы.

У Лиды в горле стоял комок. Она поняла, что не должна была так говорить о себе, открывать душу перед мало знакомым мужчиной. Что он теперь подумает? Хорошо еще, что про Аркадия не рассказала. Но Григорий сразу же как бы забыл о неприятном разговоре и с удовольствием придвинул Лиде вазочку с пирожными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.